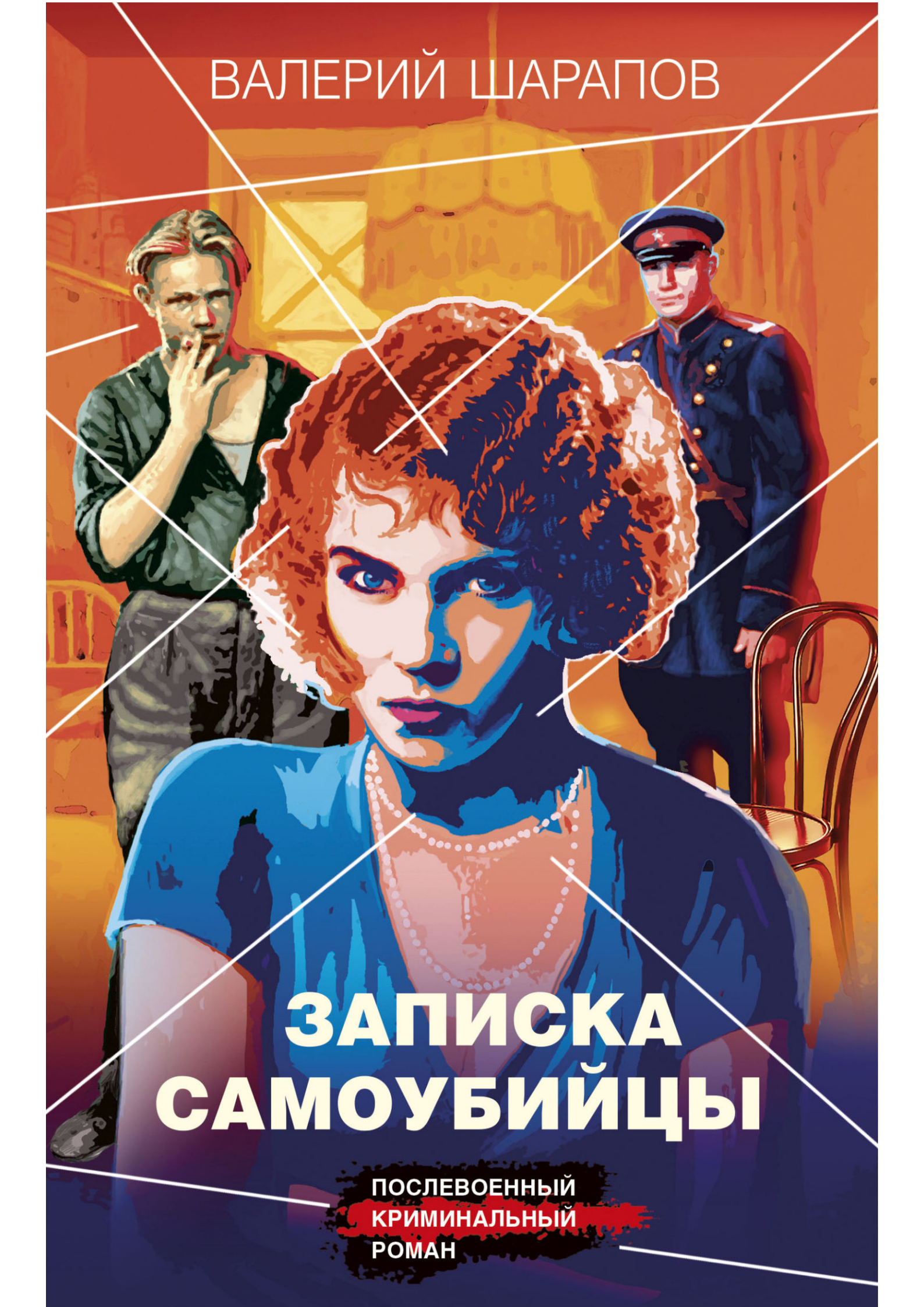

ВАЛЕРИЙ ШАРАПОВ

The book cover features a stylized illustration with a high-contrast, posterized color palette of reds, oranges, yellows, and blues. In the foreground, a woman with voluminous, curly red hair and blue eyes looks directly at the viewer. She is wearing a blue top and a multi-strand pearl necklace. Behind her, to the left, a man with short blonde hair and a dark shirt is shown in profile, holding a cigarette to his lips. To the right, a man in a dark blue military uniform with a peaked cap stands looking forward. The background is a warm, orange-toned interior with a large, patterned lampshade visible. The entire composition is overlaid with a network of thin white diagonal lines.

ЗАПИСКА САМОУБИЙЦЫ

ПОСЛЕВОЕННЫЙ
КРИМИНАЛЬНЫЙ
РОМАН

Короли городских окраин.
Послевоенный криминальный роман

Валерий Шарапов
Записка самоубийцы

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Шарапов В. Г.

Записка самоубийцы / В. Г. Шарапов — «Эксмо»,
2023 — (Короли городских окраин. Послевоенный криминальный
роман)

ISBN 978-5-04-193202-2

В комнате начальника милиции капитана Николая Сорокина обнаружен труп его сожительницы Тамары. По оставленной записке похоже, что это самоубийство. Однако сам капитан и его молодые помощники Колька и Оля думают иначе. Никаких причин для добровольного ухода из жизни у Тамары не было: она работала заведующей столовой и для послевоенной поры жила небедно. Сорокин и представить себе не мог, что расследование этого странного происшествия вернет его в годы молодости, когда капитана, тогда еще начинающего чекиста, едва не схватила за горло смерть в знакомом женском обличье... Атмосфера становления послевоенного поколения, близкая многим читателям, когда пьянит дух молодости и свободы. Когда от «все можно» до «стой, стрелять буду» — один шаг. Криминальные романы о времени, память о котором до сих пор трепетно хранится во многих семьях. Персонажи, похожие на культовые образы фильма «Прощай, шпана замоскворецкая».

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-193202-2

© Шарапов В. Г., 2023

© Эксмо, 2023

Содержание

Часть первая	7
1	10
2	16
3	20
4	23
5	26
6	29
7	33
8	36
9	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

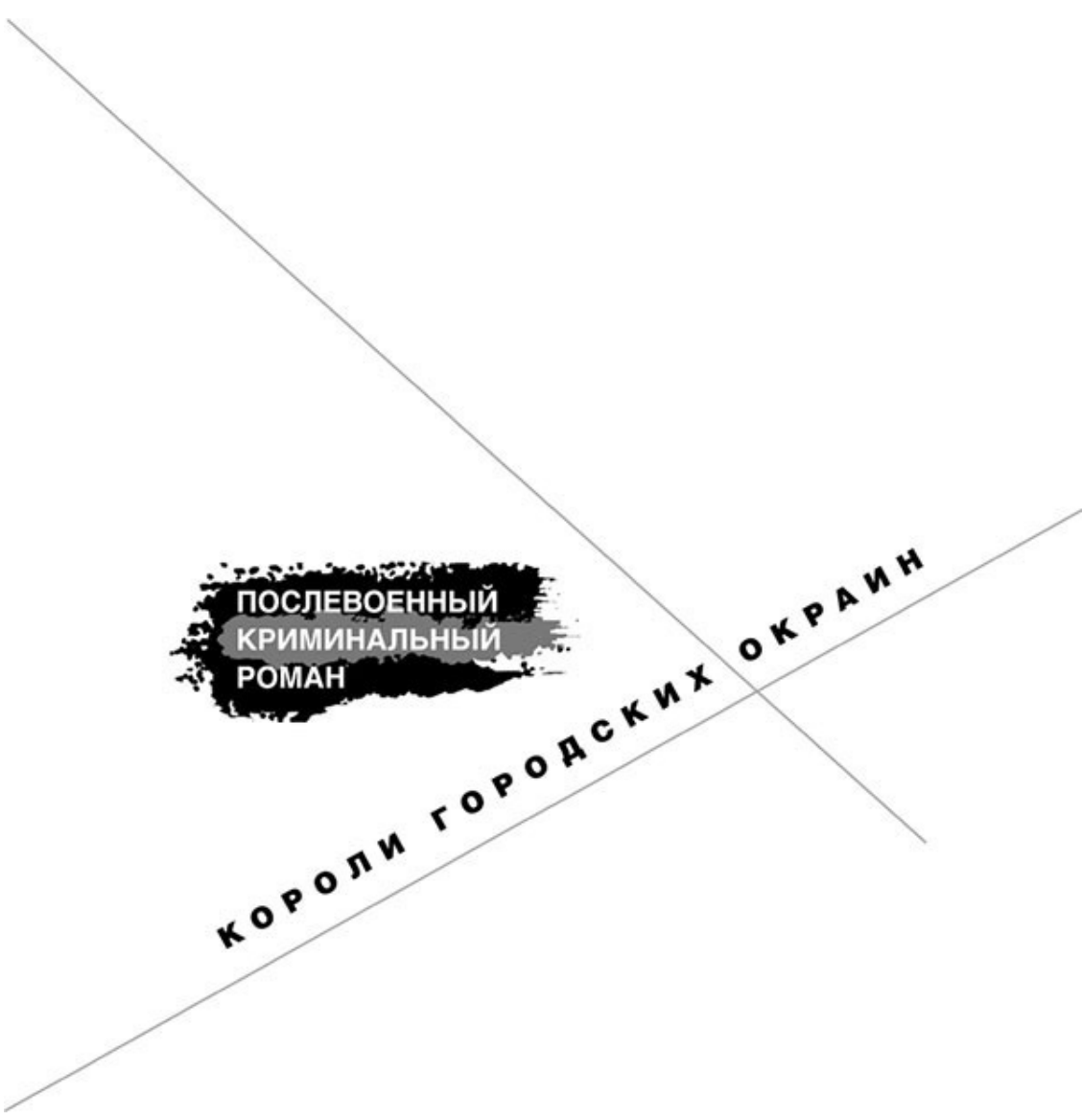
Валерий Шарапов

Записка самоубийцы

© Шарапов В., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

ПОСЛЕВОЕННЫЙ
КРИМИНАЛЬНЫЙ
РОМАН

КОРОЛИ ГОРОДСКИХ ОКРАИН

Часть первая

Как беззаботно поют птицы в эту весеннюю ночь, самозабвенно вопят лягушки! Как замечательно пахнут нагретые за день щебенка и шпалы, как ярко сияют под луной блестящие рельсы! Бесконечность в обе стороны, иди – не хочу.

Если человек всю жизнь прожил на берегу моря, или реки, или посреди степей – его от этих «красот» с непривычки может и вытошнить. Нормальной персоне, которая все годы своего бытия обитает исключительно на городской окраине, нет особого дела до всех этих морей-степей. И когда на душе легко, все в жизни идет правильно, то куда приятнее и эти привычные ароматы, и эти условные красоты природы, и даже креозотовый дух кружит голову похлеще крымских магнолий и ночных фиалок. Ночью к тому же все по-иному, все сказочно изменяется.

Это когда на душе легко и в жизни все правильно.

У Светки Приходько не так. Она плачет и рыдает, ибо сердце у нее разбито, и весь ее маленький мирок рушится на глазах. А все потому, что Яшенька на свидание пришел совершенно не в себе, бледный, глаза в разные стороны. На робкие вопросы, не болен ли, не случилось ли что на работе, лишь отмахивался, мотал головой, как конь, а то и заливался бессмысленным отрывистым смехом, прикрывая ладошкой рот и переминаясь с ноги на ногу.

Конфеты, правда, преподнес, как было у них заведено. Только сначала на них уселся, превратив в кашу. Если бы только это – то ничего страшного, форма – не главное, и раздавленная конфета, по сути, по-прежнему конфета. Однако дальше – больше.

Дошли до парка, а там расфуфыренная, завитая и подкрашенная «старуха» лет восемнадцати оттерла Светку, подцепила Яшу под руку и оттащила в сторону, что-то втолковывая, делая жесты в сторону танцплощадки, где уже раскошегаривали патефон и для разогрева уже побузили. Было видно, как капитан Сорокин и сержант Иван Саныч утихомиривают беспутных, обещая им неприятности.

И хотя Яша отрицательно покачал тяжелой, тянущей вниз головой и эта ведьма отклеилась, но все-таки оскалила зубы в сторону Светки: «На детский фронт перекинулся? Ну-ну».

Зря, стало быть, Светка «взрослую» прическу строила, зря под шумок мамкину шаль похитила и даже втихую потратила пару драгоценных заветных капель духов «Белой ночи». Все равно, как ни поверни, малолетка.

Окончательная беда разразилась, когда расположились в кинозале и погас свет.

Показывали «Красный галстук». Яшка эту картину терпеть не мог и пошел в очередной раз ее смотреть, лишь уступая нытью Светки и за компанию. Но если прошлые разы он помалкивал, то теперь нет. Вслух, не стесняясь, нудил, что скучотища, что Шурка – слон в посудной лавке, Валерка – тупица и барчук, что вся эта история гроша ломаного не стоит: надавали бы друг дружке по мордасам – и мир. На него шикали со всех сторон, было неловко.

Светка уже не рада была, что настояла на походе в кино. И когда он наконец-то стих, перевела дух. Глянув, увидела, что заснул, да так крепко, что чуть не пустил слюну. «Умаялся, утрудился, бедный», – умилялась девчонка, но недолго. Яшка всхрапнул, заворочался на обшарпанном жестком кресле, свесился. Светка попыталась его поднять (ведь не дело, когда кровь к голове приливает), а он, бормоча: «Таська, прорва ненасытная», потянул руки...

При одном воспоминании об этом девчонка взвыла белугой и не сдержалась, снова зарыдала. Тогда же просто взвилась шутихой под потолок, прямо по головам ринулась прочь из зала, не обращая внимания на шипение, ругань и тычки зрителей.

Сначала твердо решила броситься под электричку, но, как назло, та никак не шла. Потом рассудила: лучше утоплюсь, и даже дошла до пруда. Однако на месте вовремя сообразила, что в таком пруду, даже по весне полноводном, топить – только курам на смех. Вывозишься в

иле вся, а то и растворишься, как в кислоте какой. Грязно там, вон как масляная пленка дрожит на воде.

Целую вечность Светка страдала под луной, слонялась без толку, без цели и, опомнившись, увидела, что невеста как очутилась на их с Яшкой тайном месте, как в шутку они его называли, «на даче».

Непосвященному взгляду это место показалось бы помоечным: заросли облезлого ивняка под железнодорожным откосом, через трубу под путями бежит, поспешая, заросший ручей, чуть поодаль он собирается в лужу, которую лишь снисходительно можно назвать прудом. Там и орут глупые лягушки, которым все нипочем.

Вот и бревнышко, на котором столько с Яшей пересижено, переговорено, вот следы очага многочисленных счастливых костерков, которые палили, глаза на пробегающие мимо поезда, мечтая о разных вещах.

Неужто теперь всему конец?

Светка без сил опустилась на заветное бревнышко, пошарив, отыскала спички, бересту, спрятанные в последний раз в тайнике, который Яша собственноручно устроил. Не удержалась, вспомнила о нанесенной ей обиде – и снова разревелась.

Когда же слезы-то кончатся? Уже аж икать тянет, а они все льются, и голова раскалывается, и блуждающие огоньки перед глазами... хотя нет, не блуждающие, а вроде бы от свечки огоньки. И не блуждают, а маячат в двух окнах старой казармы, что по ту сторону путей. Как будто кто-то там ходит.

Светка вспомнила: там, на первом этаже, квартирует капитан Сорокин. Сам он откуда-то то ли с Мещанки, то ли с Петровки, то ли с Покровки, но каждый раз из центра на окраину не накатаешься, вот он и выбил себе служебную жилплощадь. Поскольку он бессемейный, а свободных жилых метров в районе на всех не хватает, все, что нашлось для начальника отделения милиции: одна из двух оставшихся обитаемыми комнат расселенной казармы.

Казарма эта – старое, дореволюционное строение, возможно, раньше служившее дачным вокзалом: высокие потолки, большие окна, ступеньки и даже колонны. То есть были раньше колонны, поскольку из-за близости к железнодорожным путям строение неоднократно страдало: то подожгут, то разбомбят. Так что по итогам всех злоключений колонн не осталось, а пригодным для обитания осталось лишь одно крыло, и то жителей из него год как переселили в отстроенные дома. Теперь тут квартировали лишь двое – путевой обходчик Иван Минович Машкин, тоже, как и капитан, одинокий, потому отодвинутый пока по жилищному вопросу на неопределенное время, и сам Николаич, Сорокин. Вот эти его два окна, ближе к углу.

«Кто же это у него там? – удивлялась Светка. – Николаич на танцах и останется там до конца, то есть пока не разойдутся, кому же у него, в его отсутствие, со светом бродить?»

Любопытно. Хотелось бы разглядеть происходящее, но откуда-то у холостяка капитана, по-солдатски равнодушного к любым украшениям, появились занавески. Они задернуты, и что там, за ними – не видать. И верхний свет погашен – это и понятно, зачем бы тогда со свечками там ходить? Кстати, почему бы люстру не включить?

В этот момент пролетела с ревом и звоном электричка, но почему-то огонек в капитанских окнах был по-прежнему виден ясно.

Из-за темного времени и с расстройства в Светкину голову полезли мистические, сугубо девичьи мысли – о привидениях, покойниках и прочем, от чего трясутся поджилки. Прибыв сюда, к тетке Аньке на хлеба, Светка слышала разнообразного рода страшные истории о призраках то ли десантников, то ли летчиков, погибших на станции. О тех, которые до сих пор бродят по путям, отыскивая своих губителей.

«Ну хватит», – приказала она себе.

Воспоминания о капитане Сорокине, виденном на танцах, немедленно породили и другие, более реальные воспоминания о противной «старухе», и Яшке, и его безобразиях в кино, и даже о никогда не виданной, но ненавистной Таське-прорве, чтобы ей ни дна ни крыши.

Злые слезы вновь закипели на глазах.

«А плевать. Никакого дела мне!» – Светка с удовольствием разревелась. Когда поток слез наконец иссяк, девчонка твердо решила, что никогда не выйдет замуж и посвятит всю свою жизнь добрым делам.

1

– Сбежим, а?

Уставший Андрюха-Пельмень, не открывая глаз, переспросил:

– Куда?

– Да хоть куда.

С вечерней гулянки друг Анчутка вернулся необычно недовольный, мятый и смурной. Странно. Обычно он, отработав смену, поспешно отчищался, отглаживался, напяливал свежую рубашку и пиджак, лихо строил из бараньих кудрей политзачес – и летел на волю, треща крылами.

Ему-то хорошо, не шибко он утомляется на работе. Он ведь целый помощник хронометражиста, а профессия эта почетная, непыльная, только и знай – за другими присматривай, щелкай секундомером да розовые щечки надувай от сознания собственной значимости.

Андрюха же – по-настоящему трудящийся, в учениках наладчика, и потому котовать нет у него ни времени, ни сил. Работа страсть какая интересная, но трудная, беспокойная, каждый раз что-то новенькое вылезает, да такое, что просто швах, некогда носа утереть, дней не хватает. Вот и сегодня Андрей так устал, что невесть как дополз до общаги, глаза слипаются, даже кусок в горло не лезет – была горбуха, и та так и осталась лежать в тумбочке нетронутой.

Вроде бы все выставлено-налажено, а как запустили станок – идет ткань с браком, хоть ты тресни. Созвали совет в Филях, сообща сообразили, что сорт ткани такой, что требует специальной вилочки. Андрюхе сгоряча показалось, что старшие разводят бодягу на ровном месте, а дел – на тьфу и растереть. Вот же валяется старая вилочка, осталось ее обточить. Мигом все обделал, установил – а станок, зараза такая, как гнал брак, так и гонит.

Версии вспыхивали одна за другой. «Может, вот в чем дело...» – ползал и пыхтел Пельмень до тех пор, пока мастер не напомнил: время, товарищ.

– Ударник, чеши отдыхать.

– Я ж совершеннолетний! – вскипел Андрюха, но его быстро остудили:

– Знаем, какой ты из себя совершеннолетний. Иди, иди, не война, чай, – и мастер выставил его вон.

Вот ведь бдительные какие! Документы-метрики выправлены умело, комар носа не подточит, а почему-то буквально всем известно, что в дате рождения года приписаны...

И вот, когда самая работа, в разгар интересного дела, все, чумадые и веселые, будут копаться в металлических кишках в поисках причин неправильной работы станка (и обязательно найдут!), Андрюху, как дитя малое, гонят на горшок и в люльку.

Вот так вся жизнь и пройдет мимо!

Яшке, повторимся, все равно. Это известный рационализатор, ему бы абы что, лишь бы поменьше работы при той же зарплате. Очень ему нравится других контролировать – вот дело по нему, а вечерочком – по пивку и по девочкам. Кот белобрый.

Однако нынче он не в настроении. Придя в комнату, даже не удосужился разоблачиться (хотя обычно к своему небогатому туалету относился трепетно), лишь пиджак скинул и, как был, в белоснежной рубахе и отглаженных брючках, завалился на койку.

– Я интересуюсь, куда ты собрался сбежать, – лениво скосив глаза, спросил Пельмень, – и, главное дело, зачем?

Друг завозился, ворча, как не вовремя разбуженный пес, невпопад отозвался:

– Шамать чет охота.

– В тумбочке возьми горбушку.

Однако неузнаваемый сегодня Анчутка еще и капризничал:

– Ну на... – прибавил он цветастое и непечатное слово, потом занудил вновь, – Пельмень, а Пельмень. Ты спишь?

– Уже нет.

– Скажи, зачем нам вот это все?

– Заколебал, – заметил Андрюха, – что «зачем» и «это все»?

Яшка перевернулся на живот, со столовских харчей плоский, как доска, опершись локтями, вперил в друга опухшие, сине-красные злые глаза:

– А вот весь тухляк. Гроб этот с тараканами, вкалывание от сих до сих, жратва эта пустая...

Пельмень от усталости даже не особо удивился его словам, просто задавал вопросы:

– Ты чего с жиру бесишься? Плохо честно работать? Или не нравится, что крыша над головой есть, питание? Чем плохо?

– Всем плохо, всем! – то ли взвыл, то ли простонал Анчутка. – Душа горит, Андрюха. Погибаю.

Пельмень принял сидячее положение, приказал:

– А ну дыхни.

Почувствовав выхлоп, отвесил другу подзатыльник:

– Денег на эту заразу не жаль? И откуда достаеть-то?

Анчутка вякнул в том смысле, что имеет право как совершеннолетний, Пельмень отмахнулся:

– Ври больше. Тут все знают, какой ты из себя «совершеннолетний», кто тебе отпустит? Стало быть, где-то по соседству берешь? И ведь не влом тебе бегать.

– Отпускают тут, в подвале!

– Рот я тебе зашью – попьешь тогда.

Осознав, что заснуть все равно пока не получится, а другу требуется немедленно вправить мозг, Андрюха уселся поудобнее и закутался в одеяло. Хотел было начать сразу с ругани, да глянул на Анчутку – и пожалел парня.

На него было больно смотреть. Он грустил, впечатав лоб в стекло, стоя коленями на табурете, локтями опираясь на подоконник. Весенняя природа и законные виды способствовали его ипохондрии и цыганской тоске. Сгущались сумерки, почки уже еле сдерживали набухшую листву, вот-вот вырвется на свободу зеленый шум. Под окнами пробовали клавиши аккордеона, не по-деревенски разухабисто, а красиво и как-то нежно, так, что за душу хватало.

Пыхтела и постреливала машина, на которую грузилась новая боевая единица охраны правопорядка: недавно образованный комсомольский патруль бригадила.

Капитан Сорокин, который по состоянию здоровья решил больше доверять другим, неоднократно поднимал вопрос о том, что пора бы и общественности подключаться к делу охраны порядка. Коль скоро на фабрику приходится основная доля бузотеров, то логично именно на ее базе образовать и дружину, бригаду добровольных помощников милиции.

Претензии капитана имели под собой основания. По мере расширения производства рабочих рук все больше не хватало, приходилось расширять и оргнабор из ближайших областей. Люд приезжал разный, в основном удалось сорвать с насиженных мест неотесанную молодежь. С одной стороны, работала она на совесть, иной раз и по три смены. С другой – находила и время, и силы устраивать попойки, драки, а не то и похлеще безобразия.

– Бригада охраны правопорядка нужна, – толковывал Сорокин на собрании актива, – во-первых, чтобы возникла наконец личная ответственность за порядок и безопасность, во-вторых, чтобы появилась еще одна форма досуга, полезного и увлекательного.

Второй довод капитана вызвал нездоровый хохот – посмеялись и вроде бы забыли. Однако Сорокин непрост и настойчив. Он вновь и вновь возвращался к этому вопросу, пользуясь различными случаями, с флангов и в лоб. И наконец накрепко внедрил в умы осозна-

ние того, что без дружины просто никак, причем так ловко, что сейчас мало кто понимал, что мысль эта привита извне.

– Бригада необходима вам самим, люду фабричному. Только вам – и никому более.

И хитроумный капитан уже с недоверием вопрошал:

– Неужто позволите кому-то свои порядки наводить, и это же на вашем родном предприятии?

Фабричные как по-писаному предсказуемо вознегодовали в ответ:

– Как же!

– Еще чего!

– Ишь что удумали!

И прочее.

Иезуит Сорокин продолжал, уверенно поддерживая народ:

– Пролетариат должен быть не только хозяином средств производства, кузнецом своей судьбы. Трудящийся имеет право на безопасную жизнь! И потому предлагаю донести это до руководства. Конечно, наверняка будет иметь место противодействие...

Снова последовало ожидаемое негодование: ишь что начальство удумало, здоровые инициативы душить, надо будет – и выше пойдем, и в том же духе. Да так хорошо, дружно возгорелось из искры пламя, что осталось только мысленно встать на колени перед ни в чем не повинной Верой Вячеславовной.

Главное – это результат стараний Сорокина. А именно: создан летучий отряд охраны порядка, который собирается на патрулирование. Да еще и на автомобиле, который выделила отзывчивая директор фабрики, уступая настоянию актива.

Свою миссию застрельщика и гегемона Сорокин как-то деликатно и незаметно переложил на кадровика Марка Лебедева. Это была самая подходящая кандидатура: студент-заочник, будущий юрист, мечтающий о карьере в угрозыске, нетерпеливый, горящий энтузиазмом, до всего ему было дело, ведь скучно возиться с листками учета, анкетами, личными делами. Комсомолец Лебедев неутолимо жаждал подвига.

– Простаивает же машина, Вера Вячеславовна! – убеждал новый предводитель бригады. – Хулиганье, спекулянты, пьянчуги распоясались, а мы не поспеваем, ногами мостовые утюжим, а нужна быстрота, нужен натиск! Прямо-таки необходима махновская летучесть...

Вера Вячеславовна предостерегла:

– Не увлекайся чуждыми веяниями, Марк. Но машину выделяю, не плачь.

Лебедев не только не обиделся, он не обратил на шутку никакого внимания. Он видел главное, перед его глазами вспыхивали новые сияющие перспективы:

– И будет это летучий патруль! Будем летать по самым глухим уголкам района!

Машину подштукатурили, зачистили ржавчину, украсили по борту лентой бракованного полотна, на котором вывели «Комсомольский патруль». Пошили из брака же огненные кумачовые повязки, нарисовали «Дружинник» – и теперь в полной боеготовности загрузили машину до осевших рессор.

Патрульный «катер» уходит в рейс, а Анчутка тоскует, провожая его завистливым взглядом:

– Даже эти куда-то едут!

Немедленно, как по заказу, со стороны железки издевательски загудел пассажирский состав. И в нем какие-то бездельники ехали, уносились в мягких недрах вагонов за каким-то лучшим в некие неведомые, но непременно радужные и солнечные дали. Там не то, что тут – так свято верил Анчутка.

Более трезвомыслящий Пельмень умел извлекать уроки из пройденного, потому по прежней жизни не грустил, во сне ее не видел. Его в настоящее время устраивало все: и работа, и общага, и зарплата, и столовая.

Не устраивал и беспокоил Яшка. Андрей понимал: если прямо сейчас не образумить этого цыгана линялого, которого обуяла тоска по дальним странствиям, то последствия могут быть самыми плачевными. Причем в том числе для Пельменя, ибо когда Яшка вляпывается в истории, достается и Андрюхе – так сложилось исторически.

Поэтому Пельмень вновь, вздыхая, попытался воззвать к остаткам разума друга:

– Это сейчас весна, тепло. Ненадолго ведь. Лето просвистит, и снова настанет холод.

Снова, помяни мое слово, застудишься и перхоть станешь.

– Не стану! – упрямылся Анчутка.

– Снова жрать будет нечего, а ночевать – негде.

– И пусть!

Тогда Андрюха зашел с козырей:

– К тому же по бумагам нам по восемнадцать. Так что...

– Что?

– Посадят, и всего делов.

Анчутка запнулся, но все-таки нашелся и угрюмо спросил:

– Сейчас мы будто не в тюрьме? Как бараны на стрижку идем, все по сигналу, по ранжиру, по свистку.

– Тебе-то грех жаловаться, – не удержавшись, поддел Пельмень, – вся работа твоя – секунды засекаешь и с других спрашивать. Другие вкалывают – ты контролируешь, потому-то и есть время у тебя сопель по ветру пускать.

Яшка немедленно вспылал:

– Не твоего ума дело! Поставили меня люди знающие, понимающие и именно туда, где я больше пользы приношу! А ты, ветошь масляная, молчи в тряпочку.

– Молчу, молчу, – успокоил друга Пельмень, – не кипятись, а то крышечка слетит. Толком говори, что задумал.

Яшка, помолчав, признал, что и сам не особо понимает, чего хочет:

– Вроде бы хорошо все, а вот тянет выкинуть коленце. Вот так идти, идти и раз – мимо своей двери. Надоело, все одно и то же. Скучно! Тоска зеленая!

Андрюха начал терять терпение.

– Эва, куда хватанул. Что за слова такие? Скучно – залезь в ухо к пианисту. А лучше иди проветришь, глядишь, и отпустит.

– А ты... пойдешь? – вскинулся Яшка и с надеждой посмотрел на Андрея, но тот решительно заявил:

– Я не учетчик, я устал и спать хочу.

– Вот и сиди, как гриб старый. А я не могу, мне здесь все... гнильем тянет! – с этими словами Яшка нахлобучил малокопейку – новехонькую, купленную с премии – и подался вон.

– Во дурак-то, – Андрюха махнул рукой, завалился на койку и попытался заснуть. Однако поскольку гад Яшка спугнул первый сон, теперь уснуть стало еще сложнее.

К тому же вновь вспомнились события сегодняшнего рабочего дня, заворочались мысли о том, как, где и что можно было бы подкрутить-подточить, если бы не мастер с его «ударник, чеши отдыхать». К тому же теперь возникло беспокойство за друга: «Что-то задумал? Что за муха укусила? Как бы не влип куда, бестолковый... ладно, если только по сопатке получит, а если что похуже?»

К тому же Яшка, мерзавец, снова начал прикладываться к винишку. Как на грех, в полуподвале неподалеку разливали молдавское, отпускал человек посторонний, не из района, поэтому сомнений в возрасте постоянного клиента не имел, вопросов не задавал – и вот редкий вечер уже без стаканчика обходится.

«А как хлебнет – вечно недоволен. С ним всегда так: не успеешь вздохнуть – и на тебе, обязательно коленце выкинет. С жиру бесится, точно, – философствовал Андрюха, закинув

руки за голову и с удовольствием ощущая, что вот-вот провалится в долгожданный сон. – Крыша над головой, документы, работа интересная, не на износ, и даже морду никто не бьет...»

Все-таки удалось заснуть, и замелькали перед глазами какие-то веселые картинки, только теперь пробились-таки сквозь впечатления настоящего обрывки прошлого. Замелькали фонари, застучали колеса поездов, унося в дальние дали, и даже потряхивало, как наяву.

Наяву его и потряхивало. Кто-то тормозил, сотрясая койку. Андрюха подскочил, как боб на сковороде.

– Что за... Оп-па, Светка, ты чего?

Светка Приходько, опухшая, как покусанная осами, с заплывшими, зареванными глазами и растрепанной косой, шикнула:

– Не шуми! Комендант рыщет по коридору.

– Ты как же сюда пробралась?

– По пожарной лестнице!

– В платье?

– Не важно! – отмахнулась она, теребя косу. – Какая разница? Скажи Яшке, чтобы он у дома нашего не появлялся.

– С чего такая немилость? – пошутил было Пельмень, но сразу прикусил язык.

Что-то не узнать обычно радостного друга Светку. Ну ровно царевна-лягушка, зеленая, глаза выпученные и на мокром месте. Андрюха вдруг похолодел, вообразив самое пакостное, что могло произойти, сел, стукнул кулаками ни в чем не повинный матрас:

– Он что, тебя обидел?

Светка испуганно поежилась, залепетала:

– Нет, нет, Андрюша, что ты! С чего ты взял? Просто... ну пусть лучше не приходит.

Так, вот и эта, ничего толком не объяснив, собралась на выход.

Славные они ребята, что один, что вторая: растормошат – и вон с глаз. Правда, Светка не сдюжила, у самого окна прорвало-таки. Высоким, вздорным голосом и при этом тихо-тихо заверещала:

– Пусть вообще больше не приходит, слышишь?! Так и скажи ему, этой... – и выдала такое, от чего Андрей глаза выкатил:

– Да ты чего ж лаешься, мелочь пузатая? Совсем нюх потеряла? А ну иди сюда!

Но она, ухвертка такая, выпорхнула в окно, махнув косой, как улейка хвостом.

Пельмень, вздохнув, подумал: «Вот оно что... – Снова улегся, примял кулаком подушку. – Вот и разгадка плохого настроения. Расплевались. Так оно и понятно, нечего им, что у них общего? Она пусть и безотцовщина, а девчонка порядочная, с понятиями. Этот же все, порченный, кошак помойный. А все женский пол».

После кузнецовского дела, с тех пор как ребята окончательно осели в общежитии, от девок прохода не стало – не все, конечно, заигрывали и заглядывались, но многие. Андрюху, к женскому полу устойчивого, прямого и грубоватого, откровенно побаивались, Яшка же, с его льняными кудрями и синими очами, разговорчивый и ласковый, пользовался немалым успехом и по-свински этим злоупотреблял.

С одной стороны, было неплохо, Пельменю перепали за компанию халявные постирушки, разносолы да пироги, с другой же – частенько приходилось отмахиваться кулаками от обиженных кавалеров, жаждущих возмездия.

«Ничего. Похмельем с утрца помается – и отпустит. Тоже мне, гусак перелетный...» – Мысли в Андрюхиной голове ворочались все медленнее, ленивее и наконец замерли совершенно.

...до тех пор, пока не грохнула о стену хлипкая дверь, не загремели по половицам стоптанные ботинки, чистый воздух как-то очень быстро закончился. В помещение проник Санька Приходько, потный, ярко-красный и дымящийся, как после скачки. Странно, но вопреки сво-

ему обычаю он не орал, не матерился, хотя было заметно, что его так и распирает. Он хранил полное молчание и от того был еще более раскаленный и страшный. Спросил отрывисто:

– Где Яшка?!

Андрюха взбеленился:

– Где-где, в ... под кроватью! Рехнулись все?! Что за буза на ночь глядя? Я спать хочу.

– Спи, спи, – повторил Санька, на всякий случай заглядывая под койку, – я тебе не мешаю. Так вот, если встретишь дружка своего...

– Что значит «если»?

– А то, что, коли я его первым найду, никто его более не встретит, – пояснил Приходько. – В общем, ежели фартанет ему и ты его первым увидишь, то передай, будь другом, чтобы на глаза не попадался. Вообще, – он повысил голос, – чтобы ни за что, никогда носу не казал на наш двор. Яволь?

– Допустим. А если он, к примеру, спросит: почему?

– Он знает почему.

Пельмень пообещал передать все в точности и деликатно уточнил, все ли у Саньки и не пора ли убираться из чужой хаты, куда вломился без приглашения.

– У меня-то? – Санька почесал подбородок, подумал. – Да, пожалуй, к тебе все. Доброй ночи.

Свалил наконец. Пельмень закрыл натруженные глаза и отключил утомленный мозг. Утро вечера мудренее, скорее всего, завтра же все и прояснится.

2

День занимался ясный, теплый. Луч солнца скользнул в Яшкин нос, он чихнул – и чуть не взвыл от боли. Голова гудела набатным колоколом, глазам было шершаво шевелиться в глазницах, во рту точно кошки погуляли. Сколько ж всего было намешано? Молодое молдавское, кислое пиво, дрянь эта вкусная, тягучая, заразы такие, сами в глотку полились. Он бы, Яшка, ни в жисть...

«Ай как тошно-то, больно! Как меня угораздило-то... который день нынче?»

Он не без труда принялся припоминать: так, сначала, разобидевшись, свалил из общаги. Когда это было – вчера, позавчера? А может (Яшка сглотнул), вообще месяц назад?!

Так, из общаги свалил, ссыпался с лестницы, потоптался в нерешительности. Направил было штиблеты в сторону дома Светки, но вовремя спохватился: поздно, да и после того, что случилось вчера... не сто́ит. Поворотил оглобли.

Он припомнил расписание электричек: вполне возможно, поднажав, успеть на поезд в центр – только ведь почему-то теперь и тащиться в город никакой охоты не было...

Да, вот такой он, Анчутка, загадочный, только-только собирался бросать все и валить хоть на край света – а ветер поменялся, теперь неохота и до платформы дойти.

Но как представил себе, что сейчас идти обратно в общагу, к сонному Пельменю, который весь такой стал правильный, ложится вовремя спать и ничегошеньки не понимает в жизни... аж тошнит. И это до слез обидно: друг ведь! Казалось, столько вместе пережито, перепробовано – и тут как отрезало, ни слова не понимает! Или делает вид, что не понимает. Издевается. Считает себя выше него, Яшки. Иначе с чего бы он бормотал: «С жиру бесишься».

Вот, стало быть, как.

«Дулю, не пойду. А то приоткроет глаз, ворчать начнет: что, приперся, кошак помойный? Туши свет... Нет, не пойду никуда», – решил он и, поспешив, заскочил на электричку, и доехал до Трех вокзалов, и, уже совершенно развеселившись, добрался до знакомого потаенного шалмана в переулках Домниковки.

С десяток стертых ступеней вниз, секретный кодовый стук в разохшуюся дверь – и вот они, отверзлись врата рая. Тут густо накурено, с потолка свисают бороды жирной паутины, норовят попасть под ноги бутылки, жарят селедку, а на лавку надо садиться, подстелив газетку, не то прилипнешь, – зато угарно и весело, как и желалось. За одним из столов как раз резались в картишки, Яшку тут хорошо знали и дали место. С первого же кона стало ясно, что работает старая примета: в любви не везет – так масть попрет. Вышло по народной мудрости, и выбанковал Анчутка, даже особо не передергивая, кругленькую сумму, пожирнее месячной зарплаты. Этот факт лишний раз подтвердил его давешние сомнения: напрасно они с Пельменем отвергли прекрасный бескрайний мир, где все можно получить по щелчку пальцев, и нет никакой нужды впихивать саврасом. Кому нужны эта конура в общаге, жидкие щи, пахота от звонка до звонка? Бегали от этого столько лет, ничего страшнее для них не было – а теперь сами запихали головы в ошейники.

Что он хорошего видит от этой честной жизни? Разве что Светка...

Ощущая, как от местной «малинки» уже глаза в кучу собираются, усилием воли развел их, злобно выругался, сплюнул. Как же угораздило его? Неужели врезался?! И в кого! Вообще неясно, как, в какой роковой день она превратилась в такую-то... в красавицу!

Вроде бы это была та же самая Светка Приходько, закадыка, пацан в юбке и свой парень. Но она как-то неуловимо, незаметно и сказочно изменилась: скулы на мордочке заострились, приподнялись; круглые, глупые, как у щенка, глаза обернулись в бездонные озера, появилось в них эдакое выражение с мыслью и тайной. Эти зыркалки огромные вкатились в Яшкино сердце, точно на колесиках. И пусть до центровых развеселых шмар ей далеко, краснеет от малейшей

сальности – зато голова от нее не болит, не болтает попусту, такая тихая, загадочная. И главное, слушает молча, что бы ни городил.

Само собой, Анчутка не дерьмо какое – детей обижать. Он по-прежнему воспринимал ее как малявку, несмышленища. Ни разу ни словом, ни жестом не посягнул – это он-то, который женский пол уважал не больше, чем лошадь сено. Светку же водил в кино, на катки, кормил мороженым, дарил конфеты – даже ни цветочка ни разу не преподнес. Цветы – это не то, это опасно, а конфеты-то можно.

Зря он тогда молдавского перед кино навернул, и слова стыдные не он говорил, а вино. Правда, не вино руки распускало. Обидел, перепугал, все испортил...

Анчуткины нравственные терзания прервал соперник:

– Мы уже играем или еще нет?

Яшка глянул на него мрачно: «Ишь ты, веник новогодний. Откуда выполз такой, небось с мамкиных хуторов, где сплошные беленки¹, плетни да глечики². Глянь-кось, ручонками своими сучит-выпендривается, изображая тасовку. У-у-у-у, грабли. С такими фокусами сразу за Урал. Не позорься, все ж насквозь видно. Ну-ну, заканчивай свои веера, ты мне только колоду отдай, тут же и срежу все твое художество. Ростовский, что ль? Балачка³ южная, хоть и подделывается под столицу, акает».

Наверное, ровесник Яшкин, а то и младше, но сильнее, вон плечища какие, хотя с Пельменем вряд ли сладит. Смуглый, черноглазый – но растительность густейшая, вьющаяся, шапкой стоявшая на голове, совсем седая, точно парик натянул. Смазливый до крайности, что твой киноактер. Препоганые черные усишки над толстогубым негритянским ртом, ресницы, как у коровы. А уж расфуфырен: брючки, пиджачок и уродливая рубаша с расшитым воротом и шнурком. Недавно отходил до ветру, каблуки так и цокали подковками – приходится штиблеты беречь, а то по московским мостовым каблуки сотрутся в момент и в нуль.

«Старье небось, лицованное-перелицованное, а как выглажено – до хруста, – не без зависти подумал Анчутка. – Как это у них: сдохни, но держи фасон?»

Этого Яшка обобрал с особым удовольствием. Против ожиданий, парень не обиделся, а лишь играл желваками, подбородок выставил вперед и уже чуть ли не приказал:

– Играем.

Отобрал колоду, принялся вновь тасовать. И вроде бы спокойно, но оглядывал ее с трогательным возмущением: как смеет она, негодная, подыгрывать кому-то другому? «Шулер хуторской», – подумал Яшка не без превосходства и, ухмыльнувшись, поддел:

– С тебя не будет?

Пижон неторопливо вынул – батюшки! портсигар! – но извлек из него простую самокрутку, зажал в зубах, шикарно перекинул из одного угла рта в другой. Разомлевшая девка, ластившаяся к нему, чиркнула спичкой, он прикурил.

– Молодой человек хезнул?

Кровь было ударила в голову, но опытный Яшка, безошибочно оценив обстановку, сообразил, что исходники для мордобоя не в его пользу. Да и не любил он драться без Пельменя. Потому, подумав: «Болтай, что хочешь, а денежки-то я приберу», вслух учтиво сказал:

– Молодому человеку абы как, лишь бы с лавэ.

И сгреб деньги со стола в карман. Сгоняв в уборную, умылся, припрятал выигрыш в тайное место. Вернувшись в зал, потребовал еще выпивки, но только пива – хватит крепкого, завтра ж вроде на работу... или уже сегодня?

¹ Беленка – смесь из извести и песка или глины, которая наносится на поверхность стен сельского дома. Беленая хата – дом, украшенный белой известняковой штукатуркой.

² Глечик (разр.) – горшок (обычно глиняный); кринка.

³ Степные диалекты казаков Дона и Кубани.

«А, плевать!»

Яшка уже лакал из кружки пиво, кислое, зато пенное и холодное, и уже снова начал было горевать – тут снова подсел обыгранный франт, да не один. С ним теперь были две рюмки какой-то темной штуки, пахнувшейпряно и густо, а еще шербатое блюдо, на котором лежала пара ломтиков лимона.

– Плюньте эту гадость, молодой человек, – приказал он запросто, – угощаю.

Вялый Анчутка, думая совершенно об ином, послушно выпил предложенный напиток – и немедленно ожил. Раскаленная лава пролилась вниз по горлу, в голодный желудок, но кровь прилила обратно к мозгам, и глаза раскрылись.

– Лимончиком закусите.

– Благодарствуйте.

Уже по-новому, с куда большим уважением смотрел Яшка на нового знакомого. И чего он на него окрысился, правильный пацанчик. Ну глупая одежонка, умная морда и говор сильно южный – бывает. Так пытается же изъясняться по-нормальному, как все, но бывалое ухо все равно чувствует.

Новый знакомый, чуть заметно подморгнув, подался вперед и принялся излагать тихо, так, чтобы лишь Анчутке было слышно:

– Вижу, что вы человек хорошо грамотный, и по цырликам видно, что умеете вы не только в буру. Потому имею кое-что предложить.

– Чего ж мне, молодой человек? – без труда подделяваясь под манеру собеседника, спросил Яшка.

– Я, понимаете ли вы меня, я тут свежий, знакомств не имею.

– Чего ж принесло, если не к кому? – поинтересовался Анчутка, ощущая отходняк и головную боль.

– По-первому, хочу денег, как и все. К тому же есть надежда дяденьку найти.

– Москва велика, народу много.

– Так потому я з́а́раз до вас, – пояснил парень, – поскольку прямо сейчас нужен надежный человек.

– Всем нужен. Что за дело?

Пижон, зыркнув по сторонам – никто внимания на них не обращал, – еще больше подался вперед:

– На бульваре неподалеку скупка, одна гадюка торгует. Руль⁴, помимо официоза скупает краденое, заявлять в случае шухера не станет. Тряпье, мех, прочий халоймыс⁵ – мягкое, нетяжелое, и слить можно на раз.

– Стоп, – прервал Анчутка, хотя и не без сожаления, поскольку и само предложение, и парень ему нравились. – За наколку – гран мерси, только с незнакомым на дело не пойду. Уж извини, неизвестный шкет.

Тот ничуть не огорчился, улыбнулся, блеснув фиксой:

– Ничего, наше счастье впереди, мы таки сделаем дело, – и, запанибрата потрепав Анчутку по плечу, отсел.

«Ага, держи карман», – подумал Яшка, докушивая «амброзию» из рюмки.

Вот это напиток, никогда такого и не нюхивал. Кайфовал в одиночестве недолго, подвалила к новому фартовому маруха, у которой вывеска, умело подмалеванная, была красивее, чем у прочих, промурлыкала, оттопыривая пухлые намазанные губы:

– Что же, кукленок, ты такой гру-у-устный? Чем угостишь?

«Щаз, делиться не стану», – решил Анчутка и стряхнул ее с колен:

⁴ Жарг. – заведующий, начальник вообще.

⁵ Здесь – товар.

– Водой из-под крана. Отвали.

Маруха, фыркнув, уползла и наверняка кому-то пожаловалась.

Поэтому, решив сходить до ветру, тут же, в подворотне, Яшка был взят в клешни пятеркой незнакомых помойных котов. Совершенно ясно, эта же кошка и настропалила.

Анчутка заметался, как крыса, загнанная в угол. В былое время он все подворотни у Трех вокзалов знал лучше собственной физиономии. Однако теперь, со всеми стройками-восстановлениями, все перепутали, в том числе и знакомые сараи (или пить все-таки надо было меньше?).

Зажатый в каком-то грязном дворе, Анчутка с тоской, пока еще обоими глазами, глянул в лиловое небо, которое недостижимо маячило над головой. Да, с кой-какими зубами придется проститься, ведь ни прохода, ни двери, ни пожарной лестницы.

Но не в эту ночь суждено ему было расстаться с кусалками. Помощь пришла неожиданно.

– Ша. Зачем так кипятиться, господа? Все ж не писюки, освобождайтесь от своей манеры обижать младшеньких.

Давешний седой пижон стоял, держа руки в карманах невообразимого лапсердака. По складкам этого уродливого пиджака угадывалось, что там у него не только пальцы, но и явно нечто с дулом, стреляющее.

Догадка эта пришла в головы и котам: они мигом вздернули руки горе, приговаривая различные успокаивающие слова с тем, чтобы товарищ не нервничал. Не поворачиваясь к ним спиной, неожиданный спаситель кивнул Яшке:

– Валяйте, незнакомый шкет, – и подставил коленку.

Умный Анчутка тотчас влез, испоганив грязными башмаками чужие отглаженные брючки, оттолкнулся, подтянулся, взобрался на крышу. Укрепившись, лег на живот и потянул руки:

– Сигайте сюда!

К спасителю подбирались теперь уже семеро смелых, а он лишь отмахнулся:

– Держитесь за трубы, амбал, как бы ветрой не сдуло! – И пообещал: – Свидимся.

Яшка, отбросив сомнения, помчался, грохоча жестью, с одной крыши на другую, скатился вниз по пожарной лестнице. Долго еще зайцем петлял по подворотням, по проходным дворам, скорее от кипящего восторга, нежели сбивая со следа – некого было.

О том, что там в итоге с парнем, впрягшимся за него, незнакомое, он не думал. Зато от бодрых упражнений хмель вышел, и интереса к тому, идет ли домой какая электричка, не было никакого.

«Стало быть, не судьба на работу».

Яшка забрался в расселенный дом на бульваре, расстелил пиджак прямо на лунном прямоугольнике посреди чьей-то бывшей гостиной и с радостью растянулся кверху носом. Внутри каждая жилка звенела: «Весело-то как! Славно!»

3

Город спал. Сквозь прорехи в крыше подмигивало звездами чернильное московское небо, было слышно, как шуршат шинами запоздалые машины и цокают копытами лошади: пободрее и четче – извозчиков, пошаркивая – золотарей. Голову постепенно отпускало, Анчутка задремал.

Однако довольно скоро выяснилось, что бивачные навыки он утратил. И немудрено: сперва сытые ночевки в теплых казармах на Максим Максимычевых хлебах, потом койка в общежитии – сытая жизнь расслабляет. К тому же все еще прохладно: подложишь пиджак под голову – копыта коченеют, натянешь на ноги – голова стынет так, что хоть вопи. Он несколько раз просыпался и засыпал, а потом его и вовсе разбудили милицейские свистки.

Насторожившись, Анчутка выглянул из окна, но ничего особенного не увидел: мелькали вереницей тени среди деревьев бульвара, протопали сапоги, все и стихло.

– Неймется же полуночникам, – пожаловался пустоте Анчутка, укладываясь обратно. Хорошо бы еще часик прикорнуть, а то уж светает. Там можно на первую электричку успеть.

Однако как только он снова задремал, услышал шаги – кому-то приспичило влезть в его обиталище. Яшка, перекатившись на живот, ужом отполз прочь с лунного освещенного прямоугольника, спрятался в смежную комнату за угол.

Снизу поднимались, как определил Анчутка чутким ухом, двое, люди молодые, судя по тому, как бодро цокали по ступеням башмаки.

«И этот грохочет, как кованый ишак. Или на подковы мода новая в Москве?»

В недавнюю спальню Яшки вошли двое, вывалили на пол что-то мягкое. Анчутку тянуло вылезти посмотреть, но луна как раз светила в его сторону, сейчас боязно. Пусть за тучку зайдет, что ли, а пока можно и подслушать.

Один говорил гнусаво, тонким голосом, акая по-московски и по-блатному растягивая слова:

– Цукер, ты себе что хочешь, а на такое не пойду больше. Шабаш.

Второй спросил:

– Ще так, Гриша? – и по этим трем словам бывалый Анчутка тотчас поставил диагноз: Одесса.

Потом прищелец снова подал голос:

– Хезнул? – И Яшка удивился еще больше.

«Это что ж, седой в вышиванке? Каблучки цокают, балачка во рту и слово это «хезнул».

А ну...»

Осторожно глянул за угол. Тот, что повыше и тощий, с тоненькими ручками, важно излагал:

– С такими налетами выступай у себя на хуторе, здесь город, цацкаться не станут – сей секунд за рога и в стойло. За что рисковали? Выхлопа – тьфу, а риск большой.

Второй – или в самом деле пижон, или его родной брательник, в таком же лапсердаке, широкоплечий, с седой «шапкой» на голове – насмешливо спросил:

– Ще же не хватает?

– Не хватает мне еще неприятностей. Ты как с луны свалился, ей-богу. Ну хапанули мы с тобой, а куда теперь-то с этим? Сам смотри.

– А когда соглашался, ще молчал?

– Молчал я потому, что думал: у тебя все на мази. Есть кому скинуть, на ту же перешивку-перелицовку. Нет, Цукер, давай так: тырбаним что есть – и расходимся, как это у вас говорят?

– Как в море корабли?

– Во-во.

Замолчали. Луна уже светила прямо в комнату, и Яшке, хотя страсть как хотелось разглядеть, что за люди – в лицо таких знать всегда полезно, – вновь схоронился за угол. Навострив уши, слушал.

– Глупо, – страдал недовольный Гриша, шурша скарбом. – Зачем нахапали мягкое? Капусту, рыжье надо было брать! Да откуда им взяться-то, скупка оказалась барахловая...

– Я говорил.

– Говорил, говорил! Как мы с этим потащимся по улицам – первый попавшийся мент зажучит. И ты еще, в таком-то прикиде среди ночи. Чего разрядился-то? Разве дурачок будет по Москве таким франтиком, в вышиванке гулять. Бестолочь ты, Цукер.

– И что? – спросил второй, переходя на чистый столичный, ловко подстраиваясь под чужую манеру говорить. – Гардероб как гардероб, у меня на смену лишь рябчик да клеша, что ли, лучше? В чем суть, Гриша? Гешефт неплох, и для пробы некисло вскрыть банчок в пяти минутах от Кремля пешим шагом, зато без шума и пыли.

– Да ты не просто бестолковый, ты дурачок, – заметил первый. – Разве так теперь на Москве дела делаются?

– Как же на Москве дела делаются?

– А так! Если заранее все до тонкостей обдумал, прикинул, то делай играючи – и на дно, гуляй, душа.

– Ишь ты, какая пропорция.

– Смейся. Думаешь, менты добродушно утрутся? Они, почитай, уже чес устроили, и драть когти надо прямо сейчас, а то попадем, как кур в ошип. Эх ты, одно слово – хохлота.

Тот, кого звали Цукером, серьезно попросил:

– Ты меня со смиттем этим не мешай. Обидишь.

– Да все вы на одно лицо. Так, ты себе что берешь?

– На что мне этот халоймыс, Гриша? Забирай все насовсем.

«Во, и это слово – «халоймыс». И как это – забирай все?!»

Яшка удивился, Гриша, надо полагать, тоже. Смысл предложения был вкусный, но вот сказано как-то совершенно нехорошо.

– С чего такие щедрости? – подозрительно спросил Гриша.

– Да просто все, – ласково, как ребенку, принялся объяснять называемый Цукером. – Ищут менты налетчика на скупку, который утащил мягкую рухлядь, – они таки получают его.

– Считать-то умеешь? Обоих, коли так.

– Как знаешь, профессор, – Цукер взял шутовски под козырек, тощий Гриша снисходительно произнес:

– Вольно. Держи краба, – и протянул руку.

Цукер, вместо того чтобы пожать, резко подался вперед, блеснуло в руке у него лезвие длинное, острое – Гриша прынул назад, на лестницу, но в темноте не рассчитал. Некоторое время был виден его силуэт – он стоял, маша руками с растопыренными пальцами, точно дирижируя, – а потом спиной вперед покатился вниз, грохоча, как мешок с костями. Раздался и тотчас затих хрип.

Яшка затаил дыхание, но все-таки как на аркане его тянуло выглянуть, и он снова не сдержался, высунулся.

Седой Цукер стоял, глядя туда, куда укатился Гриша, и преспокойно курил, шикарно выпуская колечки очередями. Одно, второе, третье, четвертое – они так и стлались, натыкались на лунный луч, как на струну, и рассеивались.

Под окнами вновь слышались беготня и свистки, но он и ухом не повел. Не торопясь сошел вниз по лестнице и, судя по шороху, задержался для того, чтобы обшарить карманы упавшего. Процокали, удаляясь, подбитые башмаки. Наконец все стихло.

Анчутка осторожно выбрался из своего убежища. Шмотки, раскиданные по лунному прямоугольнику – какие-то тряпки, мех, в общем, рухлядь, – душно, противно пахли разными духами, а еще больше нафталином. Снизу заворочались, чуть слышно застонали – и снова все стихло. Внизу лестницы, у самого входа, лежал на спине тщедушный человечек. Скрюченные худые пальцы задраны к потолку, как ножки дохлого воробья. Яшка бочком крался вниз по лестнице вдоль стенки.

Конечно, Анчутка хотел бы подойти, посмотреть: вдруг еще жив? Только тогда придется бежать, звать на помощь, объясняться с ментами – все это правильно, но не готов был Яшка к такому подвигу, кишка тонка и коленки слабы. Потому-то так трусливо, по большой опасливой дуге он обходил скорченное тело.

Тут, громыхая, пролетела по мостовой машина, проникнув в подъезд, заметался свет фар по стенам, потолку – и глаз Яшкин уколол блеск ободка на тощем пальчике, сведенном судорогой. Нагнувшись, разглядел на мизинце колечко, тоненькое, невзрачное, утыканное мелкими стекляшками.

«Симпатичная гайка. Что пропадать?»

Стащил кольцо с пальца мертвого – оно легко поддалось, – спрятал в карман и припустился к вокзалу.

4

Тут тоже не обошлось без приключений. Началось с того, что с устатку, от беспокойной ночи и беготни безумно захотелось жрать. И хотя в кармане шуршало, тратить деньги не было никакого желания. Анчутка, расположившись на кресле в зале ожидания, принялся, тоскуя, цыкать зубом. Он пытался договориться с собственным животом, мол, ничего, до первой электрички всего-то полчаса, за это время голод притупится, а там до столовки и обеда рукой подать.

Вообще в обычное время все эти стандартные деликатесы – щи, каша, макароны, котлета да компот из сухофруктов – никаких протестов не вызывали, жратва она и есть жратва. Однако то ли спросонья, то ли с усталости, а скорее всего, с того, что хлебнул притонного воздуха, приняв его за ветер свободы, при одной мысли о столовке затошнило.

Тут еще начали выгружать свежий хлеб для ресторанов. Он издевательски красовался на поддонах, дразнил румяными пухлыми боками. Невыносимо одуряющий аромат пьянил не хуже молодого молдавского. Яшка, мало что от голода соображая, тем не менее привычно приметил момент, когда грузчики в белых фартуках уже ушли, а тот, что принимал груз, очкастый в белом же фартуке, отлучился. Анчутка, делая беззаботный вид, фланировал зигзагами, сокращая расстояние между собой и хлебом, но в тот самый момент, когда его жадные ручки уже нависли над буханкой, той самой, крайней справа, – внезапно появился приемщик. И устоялся на него поверх окуляров, как в прицел.

Анчутка сориентировался моментально: заложив руки за спину, он склонился над поддоном, соорудив на своей физиономии выражение крайней озабоченности.

– Вам что, юноша? – спросил приемщик.

И Яшка, которому голод и ночь, полная походов, придали нахальства, неторопливо разогнулся, глянул прямо в глаза, отозвался солидно:

– Наблюдаю, уважаемый товарищ.

Он ожидал чего угодно: ругани, отповеди, но не того, что приемщик улыбнется самым приветливым образом:

– А-а-а! Вы, надо полагать, комсомольский патруль?

«Чего?!» – Яшка чуть было не распахнул рот, но вовремя спохватился, побоявшись запалиться со своим перегаром. И потому просто смотрел честным, многозначительным, долгим взглядом, мол, два умных человека и без слов понимают что к чему.

– Вот молодец, – искренне похвалил странный дядька, поправляя очки. – А ведь ловко придумано, верно! Острое юное око способно разглядеть то, что взрослые в упор не видят. Откуда вы, коллега? Из нашего техникума или железнодорожного?

– Из железнодорожного, – сказал Анчутка, вспомнив однажды виденную вывеску.

– Ни свет ни заря на ногах, чтобы на занятия успеть.

Яшка кивнул, сохраняя вид значительный и важный.

– На износ работаете, – одобрил приемщик. – Не желает молодое поколение отстаиваться в стороне, и это правильно!

Он собственными руками снял с поддона ту самую булку, облюбованную Яшкой.

– Полагаю, не будет большой беды, если один батончик выделим представителю молодежного контроля. Вот, на овес боевым коням, чтобы веселей работалось.

И впихнул ее прямо Анчутке в руки.

– Взятка? – строго спросил тот, продолжая ломать комедию.

Ни черта не понятно, но ведь работает.

– Это хлеб, – чуть улыбаясь, пояснил приемщик, – и все, отказы не принимаются. Поспешите, а то на учебу опоздаете. Первакову привет.

– Простите, а кто это? – перепросил, не подумав, Яшка.

Однако фарт его все не оставлял. Приемщик заговорщицки подмигнул:

– Орел парень, так держать. Я тебя того, качнул, а ты не поддался. Удачи, заскакивайте снова как-нибудь.

Он протянул руку, Яшка пожал.

Развалившись на скамье в вагоне, Анчутка немедленно впился зубами в благоухающую горбушку.

«Провалиться мне на месте, если я понял, о чем говорил мужик. Но вот он, хлебушек, свежий, вкусный, на ять... Отсюда вывод: тот, кто на правильной, на комсомольской то есть платформе, тот всегда с хлебушком, а то и маслицем, намазанным с другой стороны. И, кстати, раз я все равно мимо работы пролетаю, не сгонять ли... к школе?»

То ли потому, что за последние двадцать четыре часа он так легко и неоднократно выходил сухим из воды, то ли потому, что так уж хлебушек был хорош, но Яшке почему-то казалось, что теперь фартанет и в другом, куда более важном для него деле.

О происшествии в расселенном доме, о том, что он, по сути, свидетель убийства и мародер, Анчутка не думал вообще. Вспоминал с ухмылкой борзого хуторянина, который его, фартового, к тому же москвича, желал вляпать в темное дело. «Ищи дураков за тебя впрягаться, пес седой».

Так и прикорнул, радуясь своей ловкости и изворотливости, и благополучно продрях до самой станции. Если бы раздутые щеки не препятствовали бы обзору, то Яшка мог бы увидеть, что из той же электрички на платформу, по дневному времени малолюдную, сошла узнаваемая фигура в лапсердаке, с чемоданчиком в руке. Пижон из шалмана, увидев Анчутку, отвернулся было, но тотчас понял, что до него этому надутому типу дела нет. И все-таки для верности обождав, пока Яшка уйдет, он пошел по насыпи обратно, в сторону центра, потом свернул, приблизился к казарме, с сомнением оглядел ее разрушенное крыло.

– Тебе кого, мил человек?

Седой парень обернулся, узнал мужчину и широко улыбнулся:

– Доброго утречка в хату, дяденька! Как вы сами себя имеете?

Путевой обходчик Иван Мироныч Машкин, сдвинув фуражку на лоб, почесал затылок.

– Приехал, значит.

– Жестокая судьба согнала с насиженных мест. Таки кроме вас в столице у меня никого надежного.

– Не ко времени ты.

– А я всегда не вовремя, – радостно подтвердил парень, – но вы же меня не прогоните?

– Почему, допустим?

– Полезный я, дяденька. И знаю про вас ой как много, зачем вам этих неприятностей? Я и сейчас до вас не с пустыми руками, вот, – он похлопал чемодан по кожаному боку.

– Это что у тебя?

– Пропитание, – пояснил парень. – Я на шее сидеть не привык.

– Ну-ну...

– Вот на первое время аренда за крышу, – и он протянул обходчику холщовый мешочек, связанный бечевкой. – Рыжье и касса.

– Что ж ты светишь?! – возмутился Мироныч, пряча мешок в карман и озираясь. – Тут тебе не хутор!

Гость огляделся: никого, пустые пути в одну сторону, в другую, только шумят деревья и галдят птицы.

– Ни души ж кругом.

– Это кажется так. Тут отовсюду уши торчат, из-под каждого куста. Ладно, пошли в хату, тебя переодеть надо первым делом. И побрить, нечего тебе своей шевелюрой светить. Вот эту дрянь под носом долой.

– Э-эх, не отрастить мне такие, как у вас. И что на столице за моды? На мне фасон как фасон, а чуть кто меня видит – тотчас заводят за переодеть. Невоспитанность.

– Так, и это вот изо рта выплюнь, – приказал Машкин, – говори по-людски. Или разучился?

– По нашей губернии сойдет, но извольте, – гость демонстративно харкнул. – А теперь пойдемте, а то я спать хочу.

5

– Пожарский, я буду тебе чрезвычайно признательна, если твои безрукие шабашники перестанут играть в футбол ящиками с хрупким.

Колька чуть не сплюнул в помещении. Ничего себе! Мало того, что сорвали с нужного дела и бросили на разгрузку, еще и ехидничают! Заведующая столовой, Царица Тамара, нынче не в духе. Или, может, приболела. Она и так прозрачная и синюшная, а тут вообще как будто два профиля при ни одном фесе, даже не верится, что это хозяйка образцово-показательного предприятия питания.

Был бы это кто другой, надо было бы немедленно огрызнуться, да Тамаре простительно. Непросто ей. Анька, ныне Мохова, родила и съехала к мужу, сначала в другой район, теперь аж в Киев, и уж год как не навещает.

Тенгизовна снова одна, а ей это нож острый. Надо ей о ком-то заботиться. Она и на работе дневала и ночевала, в лепешку разбивалась для чужих «деток» – многие из которых были уже с усами, и табаком от них несло, похлеще чем от взрослых. Тяжело она переживает одиночество и ненужность. Сотни дел себе находила, десятки головных болей наживала на ровном месте, лишь бы наполнить жизнь свою смыслом.

Теперь вот такого во всех отношениях золотого человека охаивают. Прошел слухок: по итогам последней ревизии крысы-счетоводы нарыли то ли недовес, то ли пересортицу. Так что простительно Тамаре было психануть на предмет того, что криворукие «шабашники» – ребята-первокурсники – умудрились уронить пару ящиков с макаронами. Колька заметил: нечего беспокоиться, пожрут и ломаные, не фон-бароны. Но это Тамара, у нее все должно быть безупречно, как в лучших ресторанах, каждый сантиметр макаронины на надлежащем месте.

В общем, Колька лишь смиренно пообещал, что сейчас всем сделает втык, так что безобразие более не повторится. Тамара удалилась.

– Что за муха ее цапнула? – спросил удивленно один из ребят.

– Не твое это дело, – внушительно заметил Колька. – Твое дело не играть в футбол макаронами. Давайте поживее.

Он глянул на часы: надо поторопиться. Во-первых, сегодня Оля велела – кровь из носу – стеллажи колченогие подправить. Во-вторых, пора бы передать Светке давно обещанные ее подопечным, близнецам Сашке и Алешке, выточенные пугачи-пистолеты. Оружие получилось хоть на выставку. Колька для пушного эффекта натер их маслом для блеска и уложил их в ящик, в стружку. Если бы аттестаты с отличием выдавали за такие поделки! На высокоточном «хаузере» работалось с удовольствием и увлечением, вышли пистолетики просто на ять, сразу и не отличишь от настоящих револьверов. Даже барабаны Колька сделал так, чтобы они с шикарным треском вращались.

За ударную разгрузку мастер Семен Ильич пообещал отпустить пораньше, освободить от уборки производственных помещений и прочей лишней работы. Он себе новую моду взял: воспитывать не криками и замечаниями, а исключительно исподтишка, укреплением характера. Знает старик, что ненавидит Пожарский уборки – стало быть, метлу в руки – и марш-марш. Таким нехитрым образом Колька отучился открыто кукситься и тем более психовать, получая какое-нибудь кислое задание. (Хотя уборки так и не полюбил.)

Управились они с разгрузкой харчей довольно скоро, Колька, распустив бригаду, прихватил ящик с пистолетиками и помчал к школе.

Уроки уже закончились, во дворе было весело и многолюдно: и мальки, и рыбешка покрупнее домой не торопились. Кто в футбол гонял, кто прыгал, играя в классики, кто – в горелки, кто резался в настоящий морской бой в огромной луже, которая как раз кстати разлилась чуть поодаль, в тенечке.

Все тут. Разве нескольких, самых прилично одетых, бабули разобрали. Остальные никуда пока не собирались. Вот как измажутся все, наносятся – тогда и пора будет домой, наспех переодеться, пожевать того-другого – и снова во двор. Уроки? Какие уроки, когда весна во дворе.

Ольга вот на что взрослый солидный человек, и та вместо того, чтобы приличным образом заниматься библиотекой, расселась, болтая ногами, на оградке в компании Светки Приходько. С некоторых пор мелкая с особым рвением ударилась в добрые дела, вот и теперь присматривает за всеми разом: Сашкой и Алешкой, которых по окончании уроков надо было отвести к ним домой, к соседке тете Гале, а также заодно за Колькиной сестрицей Наташкой, которую, к слову, мама ждет не дождется домой, а она тут никак не нагуляется.

«Сейчас всех расшугаю», – решил Пожарский и тотчас, обо всем забыв, плюхнулся рядом с девчонками.

– Хочешь? – предложила Светка, протягивая надкусанный бублик.

– Не-а, сыт, – отказался он. – Как дела?

Вздыхнув кротко, как старушка, которой белый свет не мил, Светка ответила:

– Живому все хорошо.

– Ну-ну, – Колька отдал ящичек. – На вот, передай поросенкам. Оля, чего там, пошли? А то хорошо бы вечером успеть в киношку.

– Точно, точно, – заторопилась Оля на словах, на деле лишь лениво пошире открыла глаза. – Побежали, побежали...

Подождав для приличия несколько мгновений, Колька потянул лентяйку за руку:

– Вставай давай, времени нет на солнце мурлыкать.

Несмотря на солидные и бесспорно ценные замечания, оказавшись наедине в библиотеке, Колька не сразу принялся за дело, а потратил некоторое время на более приятные вещи.

– Отстань, пластырь! – отбивалась Оля без особого возмущения. – Лишь бы языком болтать, только что на улице подгонял: быстрее-быстрее. А сам что?

– Права ты, Ольга, мудрейший из всех человек, – важно согласился Колька, занимая наконец руки инструментом. – Хорошенького понемножку. Показывай, где у нас с тобой не в порядке.

Оля быстро раздавала ценные указания – укрепить, выправить по высоте, устранить перекося и прочее в том же духе. Парень кивал, про себя отмечая, что очень правильно он себе выбрал именно эту девчонку: шутка ли, найти среди этих, в юбках, тех, что в состоянии внятно разъяснить и что надо, и чем недовольны. Взять самых достойных из них, ту же Царицу Тамару. Никогда толком не скажет, чем недовольна. Чуть что не по ней, надувается, как мышь на крупу, и будь любезен сам догадываться, в чем провинился.

Оля же, очертив фронт работ, с чувством выполненного долга устроилась за столом и принялась якобы трудиться, черкая пером в каталожных карточках. И попутно щебетала, позабыв о том, что только что попрекала любимого человека болтливостью.

После того как дошли-таки старшие до загса, Ольгу стало не узнать. Светится вся, радость в глазах не угасает. При всем уважении к Акимову Колька не мог себе представить, чтобы кто-то мог так радоваться его постоянному присутствию. Особенно если разберет его желание поумничать, нотации почитать.

Ну а Олю все устраивало, даже то, что пришлось переселиться из изолированной комнаты в проходную. Ничего страшного – к тому же Палыч немедленно построил из подручного материала отличную ширму. Он вообще оказался изрядным домашним мастером: чуть какую неполадку откопает – и тотчас чинить берется.

– Стосковался по нормальной работе, – сострил Колька, в свою очередь укрепляя расшалившуюся полку.

– А что ехидничать? Человек наконец-то обрел свой дом... Не поверишь! Впопыхах позабыла как-то полы помыть, ну, думаю, не оберешься попреков. Бегу домой – глядь, Палыч намывает, да еще на коленках, аж до блеска. Я ему: Сергей Палыч, вы что, отдайте тряпку! А он такой: иди, Олюня, отдыхай, умаялась.

– От сладости аж скулы сводит, – признался Колька и тут же вспомнил, что позабыл сообщить:

– Слушай, новость какая! Батя... его сейчас командующим лабораторией сделали, я говорил уж?

– И не раз.

– Так вот он сообщил, что после получения аттестата меня устроят на работу.

Перо в руке Оли, которое уже давно бездействовало, так и дернулось и замерло.

– Ты... переедешь? – с деланным равнодушием спросила девушка.

– Обязательно, – таким же манером подтвердил он, – и ты со мной.

– Нахал, – покраснев, заявила Оля.

– Ничуть не бывало, – возразил Колька, отложил инструмент и извлек что-то из кармана. – Дай-ка сюда руку.

И прежде чем она успела сообразить, ловко надел на тонкий пальчик Оли колечко – простенькое, гладкое, несомненно, обручальное.

– Да ты что! Откуда?

– Сам выточил. С первой зарплаты куплю тебе настоящее. Смотри-ка, тебе в самый раз.

– Погоди.

– Никаких «погоди». Я до пенсии ждать не намерен.

И уверенно, хозяином, обняв Олю, собрался уже вlepить от всей души практически супружеский поцелуй, но насторожился: со двора, с приоткрытого окна, ему послышались сдавленное сопение и возня – звуки тихой, но хорошей потасовки.

Деликатно отстранив девушку, Колька распахнул окно и привычно выпрыгнул на улицу.

6

Там и впрямь было весело. Дрались трое, поднимая такую пыль, что ног и рук, казалось, было не менее сотни. Колька, оценив ситуацию на благоразумном расстоянии, определил, что перед ним хорошо известные ему персоны, причем двое почти беззвучно, но старательно месят третьего.

«Не, это не дело», – решил Николай. И позабыв, что он без пяти минут специалист и семейный человек, с наслаждением ввязался в драку.

Что конкретно натворил Анчутка, он не знал, но точно знал другое: двое на одного – нечестно. Открытие второго фронта было как нельзя кстати, Яшка не справлялся, был, очевидно, не в форме. На пару же с Колькой они одолели двух взбесившихся мелких бурундуков – Саньку Приходько и Витьку Маслова.

– Проси пощады! – потребовал Яшка, уложив Саньку мордой в пыль и заламывая руку.

Колька, осторожно, но крепко удерживая Витьку, для остротки встряхивал его, пытаясь привести в чувство:

– Будет, будет кипятиться.

– Пусти! – шипел и плевался неузнаваемый Маслов, хотя глаза уже заметно вошли обратно в орбиты и пены на клыках поубавилось.

– Витька, не балуй. Успокойся, – увещевал Пожарский, не ослабляя хватки. – Яшка, дурак, плечо сломаешь!

– Я ему и шею сверну, – кровожадно пообещал Анчутка. – Он же сзади напрыгнул, падла, ты подумай!..

В этот момент Санька, извиваясь ящерицей, особенно остервенело лягнулся и пнул Яшку в живот. Тот взвыл, согнувшись пополам. Санька, вскочив на ноги, зажал ему локтем шею, принялся душить, и не на шутку. Пришлось бросить Маслова, который тотчас снова кинулся на Яшку, – и вся потасовка вернулась в первоначальное состояние.

– Прекратите немедленно! – надрывалась Ольга, беспомощно прыгая вокруг. – С ума вы сошли!

С диким визгом в компанию влетела Светка, но действовала она на удивление смело и решительно: с разгона, не разбирая, устремилась в гущу событий, орудуя зубами и ногтями.

Каша и гвалт стояли невероятные, брызгами разлетались сопли и кровь. Хорошо, что старшеклассники заинтересовались, что там за пыль столбом под окнами библиотеки, за углом, а то неизвестно, чем бы дело закончилось. Зубы бы точно полетели.

С грехом пополам всех растащили, привели в чувство и уже уговаривали уgomониться и бежать скорее на колонку сопли-кровь замыть, пока старшие не увидели, но тут нестати появился директор Петр Николаевич, а с ним, как назло, сержант Иван Саныч Остапчук.

– А вот и дельце, – чуть ли не потирая ладошки, порадовался он. Ухватил одной рукой ухо Приходько, второй – Маслова, в то время как директор удерживал за шиворот Анчутку:

– Пойдемте, деточки мои дорогие, на порку. Пожарский, ты тоже.

Для воспитательной работы Петр Николаевич уступил свой кабинет.

Иван Саныч, бережно установив фуражку на директорском столе, степенно устроился в начальственном кресле. Было заметно, что место это ему нравится (он аж зажмурился), и оно действительно старому сержанту шло.

– Так, – Остапчук встряхнулся, сгоняя неуместное благодушие, – вернемся к нашим играм. Что за махач на полянке?

Вопрошаемые – Приходько, Маслов, Анчутка и Пожарский – смирно стояли перед ним: старшие – чинно сложив руки, младшие – нахально задрав носы.

– Хорошо, спрошу по-другому. Из-за чего сыр-бор? Кто первый начал?

– Я, – решительно заявил Приходько, – да еще и закончу. Голову его поганую откручу и буду ею в футбол играть.

– Чью голову? – уточнил Иван Саныч.

– А вот его, – он ткнул подбородком в сторону Анчутки, чей сконфуженный, помятый и одновременно нахальный вид опытному глазу говорил о многом.

– Чем же он перед тобой провинился? Стоит ли друзьям...

Санька собрался было плюнуть, но спохватился и удержался:

– Не друг он мне, а как есть падаль и гнида.

– Та-а-ак, – Остапчук сплел толстые пальцы, покрутил большими. – А причины?

Молчание.

– То есть мы имеем на сегодняшний день ничем не обоснованное избиение. Ты соображаешь, что это статья уголовная?

– Плевать, – заявил малец и отвернулся.

«Попробуем с другого боку», – решил сержант.

– Ну а ты, Маслов?

– Я Маслов, – не стал спорить хитроумный и опытный Витька, не раз загорававший в кутузке. – С этим я не спорю. А что до этого вот...

– Но-но! – Анчутка отбросил грязный перст, указывающий на него.

– ...то он, Иван Саныч, не падаль и гнида, а скорее потаскун и пакостник, – обстоятельно и даже вежливо закончил Маслов.

– Да ладно, – недоверчиво протянул Иван Саныч. – Неужели из-за юбки?

В коридоре послышалась возня, невнятное бормотание, в дверь поскреблись, и в кабинет наполовину проникла Ольга.

– Добрый день, Иван Саныч.

Оказывается, и молодые красавицы отдуваться умеют. Или это из-за того, что пришлось кого-то тащить на аркане?

– Иди же ты, овца упрямая!

И Оля втолкнула-таки в кабинет Светку Приходько, причем та, точь-в-точь строптивая ярка, копытами скребла по полу.

– Вот. Говори.

Та трусливо, но уверенно вякнула:

– Не стану.

– Так я сама расскажу, – пригрозила Гладкова, – со стыда сгоришь.

– Ну ладно, ладно. Но ничего не было, – решительно, хотя и глядя в пол, заявила мелкая.

«Хотя, черт возьми, не такая уж и мелкая, – с удивлением отметил Остапчук. – Когда эти девчонки подрастать успевают? Еще чуть откормить – и вполне себе, лет через пять... так, ближе к делу».

– Ну так что? – строго напомнил он.

– Сижу себе, присматриваю за младшими. Подошел... этот вот, – Светка указала на Яшку, – предложил поговорить и хлебца. Ну а там и драка началась.

– Какого такого хлебца?

– Этого вот, – она извлекла из кармана порядком покусанную буханку.

– Не бывает такого, чтобы просто так, ни с того ни с сего драка получилась, – заметил Остапчук.

И снова тишина.

– Ты, собственно говоря, почему не на работе?

– Приболел, – соврал Яшка.

– Начальство в курсе твоей хвори?

– Н-не успел сообщить...

– ...торопился люлей получать, понимаю. Ну а ты, товарищ поднадзорный Пожарский?
– Я ничего, – спокойно, чувствуя себя в полной безопасности и в своем праве, ото-
звался Николай. – Я после учебы, мастер отпустил пораньше, зашел Ольге с полками-шкафами
помочь – вижу: драка. Принялся разнимать, и вот.

– Не знаешь из-за чего?

– Не-а, – откестился Колька.

– Та-а-ак. Стало быть, имеет место злостное, то есть на ровном месте, хулиганство со
стороны товарища Маслова и такого же Приходько: навалились на ни в чем не повинного това-
рища... как там тебя по фамилии, вечно забываю.

– Канунников я.

– Пусть так. Товарища Канунникова, который... а вот, кстати, ты-то что в школьном
дворе делаешь, болезный? Все возраста и сроки тебе тут быть прошли.

Оля, глянув на часы, потеряла терпение и встряла:

– Да мириться он пришел! Иван Саныч, этот, который Яшка, Светке сказал...

– Ну! – взвизгнула та.

– ...гадость, – продолжила Оля, опустив некую подробность. – Дурочка в слезы, нажало-
валась этим двум, – она указала на Саньку и Витьку, – они пришли разбираться. Получилась
драка.

– Все? – строго спросил Иван Саныч.

– Да, все. И вот еще что... Отпустите хотя бы Николая, нам еще полки в библиотеке
доделывать.

– Вы, чета Пожарских, идите, свободны, – разрешил сержант Остапчук и указал на
Светку. – И эту вот с глаз долой, проку от нее ноль, один вред только.

Во дворе Светка, которая все это время дулась и крепилась, разревелась белугой.

– Прекрати немедленно. Что ты как маленькая! Детей перепугаешь – кто тебе потом
хотя бы захудалого пупса доверит? – увещевал Колька, доставая платок и заставляя девчонку
высморгаться.

– Хорошо, – прогнусавила Светка, вздохнула, распрямила костлявые плечи и прямая,
как палка, двинулась исполнять свой долг. За ней вереницей потянулись Сашка с Алешкой,
чуть ли не приносясь к ящичку у нее под мышкой, и Наташка, которая согласилась идти
домой, но только не за ручку.

Колька вернулся в библиотеку. Укреплять стеллажи и прочее закончил уже к приходу
уборщицы тети Паши, которая, постучавшись в дверь библиотеки, прошамкала, что пора бы
и честь знать.

– А мы успели, – заверила Оля.

– Уходим, – подтвердил Колька.

В кино, правда, за всеми этими событиями было уже поздно идти, поэтому отправи-
лись бродить под сказочным, уже почти майским небом. Стемнело, но народу на улицах было
немало, поэтому Колька, умело маневрируя, направлял их путь в более уединенные места – и
в конце концов вышли на их с Ольгой секретное любимое место, потаенный берег озера.

– Зажрут ведь, – заметила девушка не без опаски.

Комарья было – хоть руками разводи.

– Учел, – солидным тоном успокоил Николай, извлекая из кармана одеколон. – Окропись
покамест, а я сейчас костерок разведу.

И вот уже пляшет веселое пламя, и ребята, пристроившись так, чтобы и от дыма не пер-
хаться, и чтобы кровопийцы подлететь не смели, сидели в обнимку, глядя на нарождающиеся
угли.

– Ну а мне-то можно узнать, за что Яшку колотили? – мимоходом спросил Колька, целуя
Олю в висок.

Она вздохнула, неохотно пояснила:

– Да просто дурак этот пообещал Светке пойти в кино, а сам перед тем натрескался винища из погреба. В кино тепло, прикорнул, и что уж этому греховоднику приснилось – кто знает, только он помянул какую-то постороннюю девицу и грабли потянул, куда не следует.

– Сюда, что ли? – попытался уточнить Колька и тотчас получил по шее. – Да, это он не подумавши сделал.

– Не то слово. У меня хлебушек остался, хочешь поджарим?

– Спрашиваешь!

7

– Значит так, молодые люди, – начал Иван Саныч, когда в кабинете остались только они четверо. – Массовая драка в детском учебном заведении – это по-хорошему чепэ, требующее моего... ну, в том числе и моего серьезного вмешательства. Поэтому скажу прямо: если я тебя, товарищ Яков Канунников, еще раз около школы или Светки увижу – пеняй на себя. Тебе же, как не без удивления я выяснил, аж за восемнадцать, так?

– Ну типа того, – буркнул Анчутка.

– Вот и огребешь по-взрослому, – посулил сержант. – Вы же, товарищи малолетние урки, не вздумайте охоту на него устраивать. А то знаю я вас. Увлечетесь, и не только кулаки – ножики в ход пойдут, а это мне ни к чему. Да, промежду прочим! Ну-ка, что у нас в карманчиках? Идите сюда, не стесняйтесь.

Санька, дернув плечами, демонстративно поднял руки – мол, вам надо, вы и шмонайте. Маслов проделал то же самое, но чуть смутившись – во швах карманов у него предательски похрустывал табачок.

– Все матери скажу, – пригрозил Остапчук, и Витька тотчас сник. Он боялся не матери, а того, что она начнет плакать, и это страшное оружие она пускала в ход по любому поводу.

Анчутка же, отойдя в сторонку, делал вид, что все происходящее его не касается. Он как раз рассматривал групповой фотопортрет сорок второго года выпуска, как сержант позвал:

– Поди-ка сюда. Тебя с нарочным, что ли, приглашать трэба?

– А... чего я-то сразу?

– Для порядку. Давай выворачивай карманы.

Яшка сделал такое движение, будто собирался бежать, но Маслов решительно перекрыл путь к двери, а Санька потянул к нему радостно трясущиеся руки.

– Ну-ну, – урезонил сержант, – давайте без самосудов и анархии. Ты чего стесняешься?

– Ничего я не...

– Тогда карманы показывай. Ты, дружок, дрался и на школьный двор завалился, где тебе делать нечего, а теперь стесняешься. Как-то подозрительно.

Анчутка, вздохнув, шагнул к столу, начал опустошать карманы. Пачка «Казбека», спички, две зажученные в рукав карты – валеты треф и пик, – которые он позабыл сбросить в притоне, два куса сахара...

– Все.

– Врет, зараза, – с отвращением заявил Санька. – Под мышкой у него еще карман нашит. И топорщится.

– Иуда, – негромко, в сторону и только для бывшего приятеля буркнул Яшка.

– Давай лучше сам, – посоветовал Иван Саныч. – Если я тебя сам обыщу, нехорошо же выйдет. Не чужие мы с тобой люди, чай?

Бывалый Яшка колебался недолго. Чтобы, гордо подбоченившись, заявлять, что не желает или, там, «где ордер на обыск», нужны безупречная биография, воспитание и навыки чистоплюйства. Анчутка же, вздохнув, с покорным видом выложил на стол пачку денег – и, как нарочно, выпало и Гринино колечко со стекляшками.

Остапчук, на глаз прикинув сумму, присвистнул.

– Товарищ Канунников, откуда дровишки? Тут же полторы, а то и две твоих зарплаты. И это вот, – он осторожно ухватил толстыми пальцами хрупкую вещицу, – с какого возу упало?

– В карты выиграл, Иван Саныч, – пробормотал Яшка, отводя глаза. – Ну что вяжесь-то?

– Играл и выиграл. Потому и болеешь? – неискренне посочувствовал сержант. – Вينيшко, пиво, картишки... Доиграешься, товарищ. Доиграешься, я тебе точно говорю, пустой ты человек. Забирай и вали отсюда, чтобы глаза мои тебя не видали.

– На работу, стало быть, настучите? – спросил Анчутка, которому в голову пришла идея, по всем раскладам – блестящая.

По всей видимости, опытный Остапчук что-то услышал в его голосе или разгадал замысел до того, как сам Яшка его додумал, но он с пренебрежением заметил:

– Иди уж. И скажи спасибо, что я сегодня добрый.

– Благодарствуйте, – пробормотал Анчутка и исчез за дверью.

Санька, чуть не лязгая зубами, проводил его кровожадным взглядом.

– Зря вы его отпустили, – вежливо заметил Маслов. – Он наверняка что-нибудь да украл.

– Знаешь ли, Виктор, не тебе такие вещи говорить, – парировал сержант. – И вообще. Смотрю я на вас – и не понимаю. Странные вы люди, ведь вроде бы всегда к хорошему стремитесь, а все время на кривую-косую дорогу сползаете. Заступить за девчонку хотели... цыц!

Приходько с клацаньем захлопнул рот.

– ...а устроили массовый беспорядок и всеобщую потасовку.

– Что же, молчать в тряпочку?

– Хотя бы самому за собой смотреть.

– Мы девчонок не обижаем.

– А между прочим, в чем обида-то? – изображая равнодушный интерес, спросил сержант. – Выкладывайте уж запросто, без свидетелей.

Защитники колебались. Наконец Санька угрюмо признал:

– Да нам-то откуда знать, Иван Саныч? Приперлась за полночь сеструха, опухшая от рева, мордасы кулачками трет, аж икает: Яшка, мол, как так?! Я ее тормошу: что сказал, что сделал? А она, дура такая, молчит и икает...

Он замолчал. Помолчал и сержант, потом, уразумев, что продолжения рассказа не будет, уточнил:

– Так что, это все?

– Все.

– На этом вот основании морды бить? Ну вы эти, лыцари. Не разобравшись, в драку лезть, к тому же двое на одного.

– Для такой крупной сволочи пары кулаков маловато, – вставил Маслов.

– А коли наврала девка, тогда что?

– Это как? – ошеломленно спросил Санька, пораженный поворотом темы.

Маслов, который чуть спокойней и куда умнее, признал:

– Тогда, конечно, беда. Только ведь, если Светке не верить, то кому тогда?

– Это да, как-никак Светка, – поддакнул сержант. – А ежели другой кто – лучше не надо вот так просто кулаками крутить. Не по-взрослому, нехорошо.

– А как хорошо? – требовательно спросил Санька. – Терпеть, когда кого-то при тебе обижают?

– Не надо терпеть, – успокоил паренька Остапчук, – но и задаром не надо махач устраивать, потому как при таких раскладах можно и правому за решетку угодить. Очень просто.

– И как...

– Надо организованно. Тянет вас убогих и юродивых защищать – подрастите и записывайтесь в бригадил. И сражайтесь на здоровье. А, Приходько? Ты ж у нас известный правдоруб, правдоискатель, тебе и карты в руки.

– Не, я других счастливить более не желаю. Да и ждать долго, – уже посветлев, отозвался Санька. – Ладно, Иван Саныч, пойдем мы, что ли?

– Да идите, что тут с вами, – разрешил добрый Остапчук. – Но впредь чтобы ни-ни. Усекли?

Пацаны заверили, что вполне.

«Ишь ты, дон-кихоты, заступнички, – думал Саныч. – Главное, чтобы это вот ценное качество не прошло, как блямбы на мордах, а там каким-нибудь дальновидным девчатам повезет... Эх, молодость».

8

Саньч отправился в отделение. Там тоже было не все блестяще – с тех пор как начальник в очередной раз загремел в больничку.

Хотя много чего подобное предвещало, а все равно случилось неожиданно. С неделю где-то капитан был не в себе, ходил рассеянный, невпопад отвечал, под нос бубнил. То ли давление скакало, то ли сердце пошаливало. Потом стало с ним совсем худо, еле сидел – бледный, весь в испарине, веко над глазом набухло и нависает капюшоном.

И все-таки оттягивал на себя самый паскудный участок, то есть работал с населением. Кротко, беспрекословно выслушивал всех – пока не появился самый скверный посетитель, путевой обходчик Машкин, Иван Миронович. Он и его весеннее обострение.

Говорят, для смирения и воспитания характера каждому жизнь подсовывает персональную свинью и личные точильные камни. У Сорокина таковым был Мироныч, его сосед, помещанный на шпионах, вредительстве, диверсиях.

И ладно был бы он дурак набитый – нет. Машкин – человек умный, надежный, заслуженный. Сам откуда-то с югов, что и видно: по-калмыцки скуластый, раскосый, по лысой голове идет шрам наискосок, усы лихие, почти чапаевские, – но в районе он обосновался еще до войны. Толковый работяга и не летун, как пришел, так и по сей день трудился на железной дороге. Герой: когда в декабре сорок первого случилось грандиозное несчастье, благодаря Машкину – тогда он служил дежурным по станции – два вагона с фугасами удалось отвести от платформы. К тому же он, подхватив пожарный шланг, упавший из рук убитого огнеборца, несколько часов тушил пожар – пока самого осколком не тюкнуло. Чудом выжил мужик, но, как только заделали ему череп, тотчас сбежал на фронт, откуда вернулся вконец комиссованным инвалидом.

И все-таки в нем была видна большая сила, и ковылял он на своих двоих кривых весьма бодро, исправно неся свою службу. В общем, по всем статьям положительный, бывалый, безукоризненно выполняющий свою работу.

На редкость добрый и безмолвный: ни слова не сказал за все те годы, когда его, как одинокого, все отодвигали с жилплощадью. Так он и остался один в полуразрушенной казарме, а когда подселили Сорокина, то Мироныч немедленно настоял на том, чтобы поменяться комнатами. Причем возражений не принимал.

– Никаких! Сами судите, товарищ капитан: и больше площадь, и прихожая какая-никакая, и можно организовать вход отдельный, чтобы в любой момент можно было принять агента.

Все его хорошие черты сводила на нет его единственная странность: помешательство на вредительстве и шпионах. Бесспорно, бдительность необходима, но на Мироныча по весне и осени она находила нездоровая. Тогда он днем и ночью рыскал и по путям, что по его профессии объяснимо, и по окрестностям, обязательно находя «железные» доказательства того, что кто-то где-то кому-то вредит, пакостит и что-то замышляет.

Ладно бы держал свои «открытия» при себе, но ему нужны слушатели – и, посоветовавшись со своими товарищами в голове, Машкин утвердил на эту должность товарища капитана Сорокина. Во-первых, сосед и всегда под рукой, во-вторых, чуткий, бдительный и бывалый товарищ, умеющий единственным оком проникнуть в суть вещей. В-третьих, как раз ему Мироныч всецело доверял. От последнего обстоятельства Сорокин, который всегда уделял большое значение работе с населением, был не в восторге. К тому же если по месту проживания еще как-то удавалось уклоняться от общения – достаточно было таинственно намекнуть на то, что ждет «нужного человечка», – то на службе это было невозможно.

Хорошо еще, что недуг наваливался на него лишь по весне и осени. В остальное время года из Мироныча слова не вытянешь. Было дело, он и от Акимова скрывал ценные данные без особых мук совести – просто молчал. По весне же и осени из него сведения ценные – на его взгляд – так и перли, причем выдавались сугубо товарищу капитану Сорокину. Другие такой чести не достаивались.

В тот несчастный день Мироныч снова завалился в отделение и битый час бубнил свое капитану, тыча пальцем в вещицу, выложенную на чистый платок, а Сорокин покорно кивал да кивал, выглядел как обычно, но было видно, как кожа на голове постепенно становится красной.

Остапчук, помнится, пригляделся: снова пуговица. С виду – не более чем полезное изобретение для застегивания, к тому же старенькая, грязная, неоднократно втопанная в грязь, вон как дырки забиты. Вроде бы кайма какая-то, то ли узор, то ли буквы.

«Так из-за чего собрание? Что следует из этой пуговицы?»

Даже любопытно, какие дедукции из этого пустякового предмета вывел бдительный Машкин.

Иван Саныч прислушался.

– Товарищ капитан, вы человек опытный, сами понимаете: мелочей в нашем деле не бывает. Гляньте: от кого такая-то могла отвалиться? От вас? От меня? От Иван Саныча... товарищ сержант, наше почтение.

Остапчук поздоровался.

– Во-о-о-т, не исключено, что к этой пуговке пристегнуты такие штаны... – он задумался, но закончил решительно: – Вражеские.

– С чего же вы взяли, что это вражеская пуговица? – терпеливо спросил Сорокин, и видно было, что он не в первый раз задает этот вопрос. – Ее мог потерять кто угодно...

– Кто?

– Военнопленные, кто-то в трофейной одежде.

– Если бы все так было, то не стали бы ее затапывать, – с уверенностью возразил Мироныч. – Гляньте, это вот земля, в дырочках. То есть ее не просто скинули с гравия, с пути, а старательно маскировали путем втапывания в грунт.

– Раз так, то видели, что потеряли пуговку? Почему не подобрали, зачем втапывать? – спросил Остапчук, которому без шуток было интересно: а как из этого вопроса выкрутится хитроумный Мироныч?

Однако тот с ответом на вопрос справился с блеском, хотя несколько мгновений и молчал, открывая и закрывая рот.

– А вот на ложный след навести. Может, сам натворил что, а есть личный вражина, а у того на штанах как раз такие вот пуговицы. Надо оторвать эту вражескую пуговицу и подкинуть, чтобы сконьпрометировать...

– Все, – вдруг сказал Сорокин, легонько хлопая ладонью, целя по столу – и промахиваясь, – простите, товарищ Машкин. Саныч, валидолу.

Какая-то каша заваривалась у него во рту, Остапчук глянул на начальство, запаниковал и попытался запихать ему таблетку, а тот лишь мычал и пытался ухватить ее рукой. Иван Саныч помог, валидол отправился под язык, Сорокин откинулся на спинку стула и затих.

Мироныч продолжал сидеть с видом человека, готового заговорить вновь в любой момент, и Остапчуку пришлось ставить вопрос ребром:

– Товарищ Машкин, отложим. Сами видите, здоровье.

– Если здоровье, то на пенсию надо, – заметил Мироныч, поднимаясь.

Все-таки удивительный мужик. Как это он умудряется говорить правильные вещи так, что убить его охота?

Иван Саныч, конечно, сдержался. Просто выпроводил товарища за порог и бегом вернулся в кабинет. С облегчением увидел, что капитан Сорокин сидит уже ровно, и глаз держался в орбите, не посягал вылезти за пределы, и кожа на голове уже бледнела, принимала обычный, не алый оттенок.

– Заездил, подлец, – отдуваясь, пожаловался капитан. – Обострение у него, а страдаю я. Саныч решительно снял с рычагов телефонную трубку:

– Николаевич, звоню в больничку. Надо отлежаться, Маргарита поможет.

– Нет, – отрезал капитан слабо, но твердо. – Слухи пойдут, толковать начнут, пятое-десятое... в нашу нельзя.

– Куда как лучше прям тут кончиться, на боевом посту, – ворчал Саныч.

Начальник, жалко и криво улыбаясь одним краем рта, пообещал, что свинью такую не подложит.

– Я в свой госпиталь...

Он встал, но, качнувшись, чуть не рухнул, и сержант подхватил его под локоть.

– Давай хоть до хаты провожу.

– Зачем? – резко спросил Сорокин.

– Вещи собрать.

– Не надо. Все с собой у меня на всякий случай. Я теперь без укладки никуда.

Примерно через час Николай Николаевич, позвонив, сообщил, что он уже без пяти минут под капельницей, и предписал не паниковать.

– Мне-то что сепетить? Это Серега начнет.

– Ему тем более передай. Пусть привыкает. По всему видать, изъездился я...

В трубке слышались чужие голоса, какая-то гражданка бесцеремонно приказывала больному слезть с телефона и отправляться в палату, иначе пусть на себя пеняет.

– У меня все, – с поспешностью сообщил Сорокин и дал отбой.

Еще через полчаса Иван Саныч не без сожаления испортил настроение Акимову, сообщив о случившемся. Сергей заметно скис.

– Второй приступ за полгода. Саныч, ты опытный. Что делать?

Сержант, не оценив комплимента, уныло отозвался:

– Смотря кому. Ему – лежать тихо и дышать через раз, а что нам с тобой тут делать – не ведаю. Туго без него придется. Вместо него...

– Вместо него мы можем лишь бредни Машкина заслушать. Что ж, не знаешь, что делать – работай, – невесело сострил Акимов. – Так, как у тебя с...

Остапчук вздохнул. Всегда Серега норовит не с той стороны подойти к проблеме. Впрочем, технологию укрощения начальства Иван Саныч освоил в совершенстве: надо лишь кивать, травить байки из своей насыщенной практики, да поярче, чтобы аж челюсть у него отпадала, и с умным видом писать хотя бы по одной бумажке в день.

9

Яшка ошибочно полагал, что если тихо проникнуть в общагу и залечь в койку, то никто ничего не заметит. Расчет не оправдался. Стоило отмыться в тазу, с грехом пополам оттереть запекшиеся сопли-кровищу и замочить одежду, которую как будто кошка с помойки приволокла, как немедленно появилась эта, комсорг Маринка с говорящей фамилией Колбасова.

Вечно она колбасилась по всей фабрике, не давая людям дышать, ни с кого не спуская глаз. С чего она вязалась к нему, некомсомольцу, он не понимал и серьезно подозревал, что Маринка просто сживает его со свету. Правда, на этот раз она почему-то не заорала, как обычно, а просипела, как пробитая камера:

– Канунников, – и Яшка изумился: надо же, оказывается, и его фамилию прошипеть можно, – у тебя прогул, два дня!

Анчутка вяло сделал вид, что ужаснулся:

– Неужто?

– Требую объяснений. На каком основании?

– Захворал я, – заявил он, томно глядя в потолок.

Маринка с подозрением потянула курносый носом, но Яшка не испугался. Ничем особо он не рисковал, ведь после ночных приключений, употребленной полбуханки да потасовки и духа хмельного в нем не осталось.

– Знаешь ли, Мариночка, в сердцах так и давит, что даже в ногу отдает, правую.

Он потер указанную конечность. Въедливая девка, фыркнув, указала на свою коленку, круглую, как фонарь.

Яшка не понял, в чем дело.

– Что? – спросил он с недоверием и подумал: «Как, и эта туда же? Заигрывает?»

– Вот это правая, тундра ты уральская, – просипела Маринка, тыча пальцем в ногу. – Эта!.. Немедленно вставай на проработку.

– Не могу я, Мариночка. Помираю, – простонал Анчутка и пообещал: – К утру кончусь.

– Вставай, говорят тебе. Вышвырнут тебя с работы с волчьим билетом по статье – допрыгаешься. А ну пошел!

Уже совершенно невежливо скинув его с койки, влезла в чужую тумбочку, вынула одежду и чуть ли не как пупса целлулоидного принялась одевать.

– Да ты сдурела совсем! – возмутился Яшка, прикрываясь. – Что я тебе?..

– Это я тебе! – пообещала Маринка. – Сорок пять секунд у тебя, а потом на проработку! И очень не совету ю опаздывать!

Вышла, грохнув дверью. Анчутка, вздыхая, принялся собираться. Вот она, оседлая жизнь...

...Яшка, смирно сложив руки, сидел в «позорном» углу. Вид у него был показательно-сокрушенный, и он никак не мог понять, за что ему такая честь: быть прорабатываемым комсомольским активом.

Он-то уже губы раскатал: просто вызовут в кадры, сунут в зубы трудовую книжку – и гуляй на все четыре стороны без выходного пособия. Снова воля вольная.

«А тут нудят, нудят, тянут волюнку – ну как самим не надоест? Неужто вздумали за меня того... бороться? Тогда крышка. Завоспитают».

Докапывался кадровик Лебедев:

– Что делать-то будем, Канунников? Неужели увольнять?

Анчутка горестно развел руками: мол, ничего не поделаешь, придется. Увольняйте.

– ...а ведь парень-то ты неплохой, развитой, старательный, – докучал Марк.

Вторила Маринка Колбасова:

– Доверяют тебе такое ответственное дело, от тебя ж люди зависят! Сначала прогул, потом вредительство!

Кивая болванчиком, Яшка то ли мечтал, то ли тосковал: «Да вышвыривайте уже, и не будет тогда никаких бед и вопросов: не сам с работы ушел, погнали как недостойного – я и пошел...»

Мысли его обратились к хорошему, от предвкушения которого под ложечкой приятно засосало. Быстрые, радостные сборы, Три вокзала, пара пива на дорогу – и ту-ту куда глаза глядят!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.